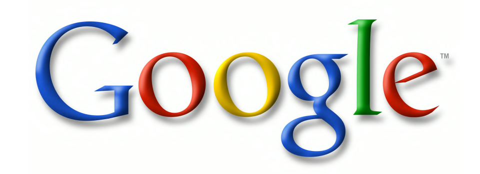
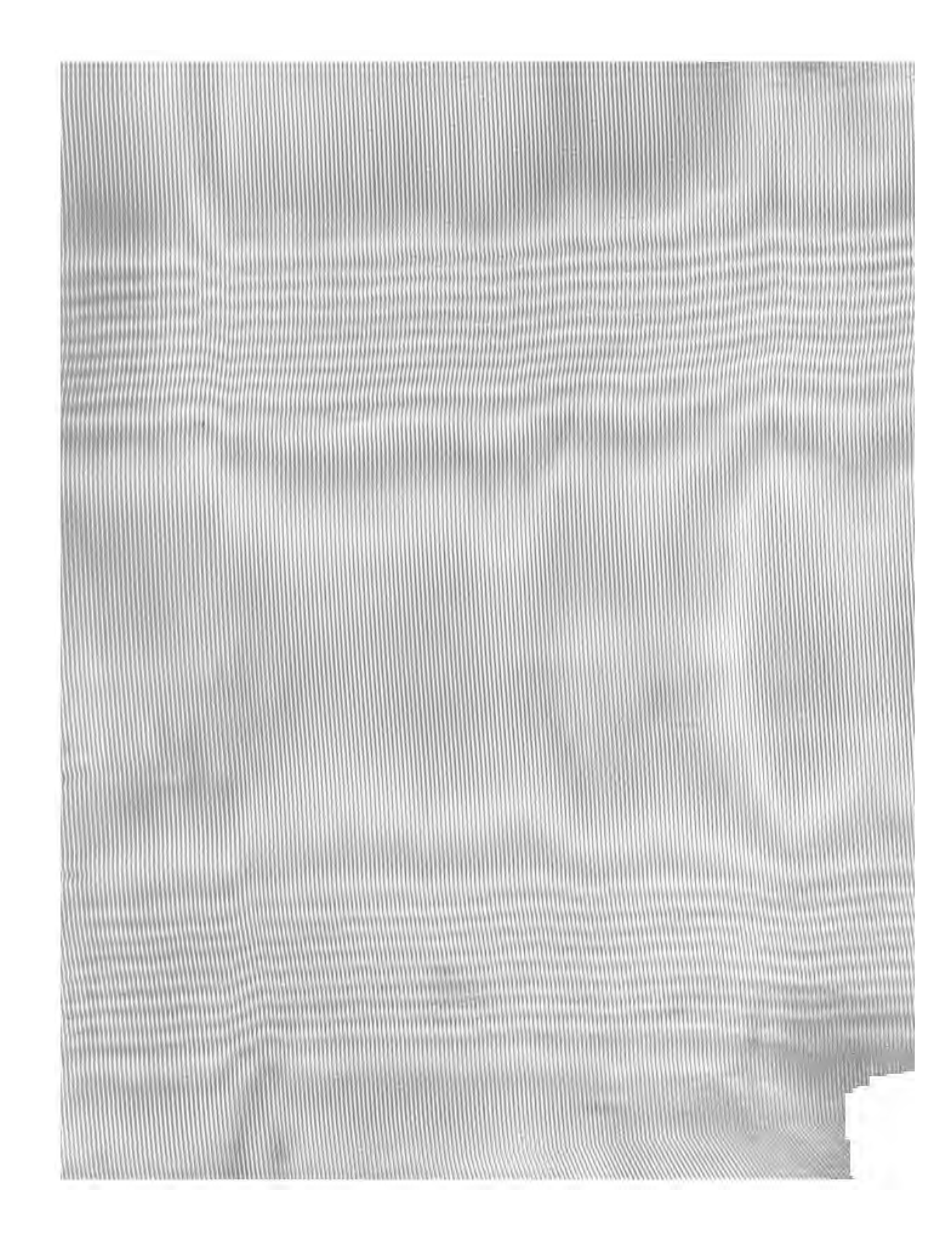

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА

П. Е. Астафьевъ

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю,

Сергію Александровичу —

отъ безгранично преданнаго, счастливымъ ее выразить,

Л. Агафьевъ

1891 г. 8 Іюня —

П. Е. Астафьевъ.

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА,

С҃Ъ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПИСЕМЪ „ЕВРЕЙСТВО И РОССІЯ".

Изданіе М. И. Астафьевой.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1891.

П. Е. Астафьевъ

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Москва. Арбатъ, домъ Платонова.
1891.

точекъ зрѣнія, въ разныхъ примѣненіяхъ, мысли лишаетъ ихъ хотя отчасти того характера отрывочности и неизбѣжной неполноты, которымъ необходимо запечатлѣна всякая газетная статья, взятая отдѣльно, ничѣмъ не восполняемая и не приводимая въ связь съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ автора. Этимъ единствомъ общей мысли, отнимающимъ у нихъ характеръ случайности, и оправдывается собраніе предлагаемыхъ статей въ одну книжку. Первая часть ея, озаглавленная „изъ итоговъ вѣка“, не требуетъ особаго объясненія тѣхъ поводовъ, которыми вызваны вошедшія въ нее статьи (первая изъ нихъ напечатана въ послѣдній день 1890 года, въ „Московскомъ Листкѣ“ отъ 31 декабря): приближаясь къ концу вѣка, такъ естественно попытаться дать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути! Но вторая часть,—письма (къ редактору-издателю „Русской Жизни“, А. А. Пороховщикову) „Еврейство и Россія“,—не только служитъ спеціальною иллюстраціей къ общей мысли, высказанной въ „изъ итоговъ вѣка“, а имѣетъ и нѣкоторую свою собственную интимную исторію, разъясненію которой—въ „предисловіи“ наилучшее мѣсто.

Вполнѣ признавая глубокую, жизненнѣйшую важность выдвинутаго послѣднимъ временемъ на очередь „еврейскаго вопроса“, и составивъ себѣ совершенно опредѣленный взглядъ на него, въ связи съ моимъ общимъ понятіемъ о роли и значеніи представительницы соціальнаго начала, буржуазіи, во всей новой Европейской исторіи, я не располагалъ однако высказывать этотъ взглядъ печатно. Я ждалъ, чтобы болѣе меня компетентные въ вопросахъ *политической* жизни, ближе съ ними знакомые, высказали этотъ взглядъ, представлявшійся мнѣ единственно возможнымъ, идейнымъ и справедливымъ

безъ сентиментальности, болѣе основательно и авторитетно, чѣмъ могъ это сдѣлать я. Себѣ я предоставлялъ только высказаться, при случаѣ, о *психологической* сторонѣ вопроса, той сторонѣ его, въ оцѣнкѣ которой имѣю основаніе считать себя не столь безпомощнымъ и дурно-вооруженнымъ, какъ въ обсужденіи вопроса чисто-политическаго. Этотъ случай и представился мнѣ, когда г. Шараповъ ко мнѣ, какъ профессіональному психологу, обратился съ вопросомъ, въ чемъ я вижу и чѣмъ себѣ объясняю психологическія особенности еврейскаго характера. Съ удовольствіемъ удовлетворивъ его желаніе (не для того же я двадцать лѣтъ занимаюсь философіею и психологіею, чтобы держать *въ секретѣ* добытые мною, вѣрные или невѣрные, выводы!?), я ничего не имѣлъ и противъ напечатанія имъ, въ извлеченіи, разговора его со мною объ этомъ предметѣ. Въ „Новомъ Времени“ отъ 3-го января 1891 года и появился отчетъ г. Шарапова объ этомъ разговорѣ. Этотъ краткій отчетъ, въ которомъ *психологическая сторона моего взгляда на еврейство* передана г. Шараповымъ съ почти безупречною точностью, вызвалъ въ печати много и сочувственныхъ моей мысли и враждебныхъ ей отзывовъ. Къ сожалѣнію—и сочувствіе и негодованіе относились не къ вѣрно переданной моимъ собесѣдникомъ, психологической части нашего разговора, а къ *практическимъ и политическимъ* выводамъ изъ моего взгляда,—выводамъ, которые и моимъ собесѣдникомъ и читателями его отчета могли только *предполагаться*, такъ какъ я самъ ихъ и не высказывалъ и даже совершенно опредѣленно *отказался* высказать моему собесѣднику. Въ этихъ *предполагаемыхъ* выводахъ изъ моего взгляда было высказано столько недоразумѣній, столько безъ-

идейной страсти съ одной стороны и столько неосновательныхъ и грубо-корыстныхъ притязаній съ другой, что я считалъ себя уже не вправѣ долѣе воздерживаться отъ разъясненія недоумѣній, къ которымъ невольно далъ поводъ. Вотъ что вызвало и мои письма „Еврейство и Россія“,—письма, въ которыхъ я стараюсь объяснить роль еврейства въ современной жизни, какъ роль наиболѣе законченнаго, послѣдовательнаго и характернаго представителя жизненныхъ началъ и стремленій чисто-соціальной, но негосударственной и ненаціональной *буржуазіи*, такъ всесторонне и рѣшительно повліявшей на ходъ новой Европейской исторіи. Въ *этомъ* для меня и весь смыслъ вопроса и его рѣшеніе.

Выпуская снова въ свѣтъ эти письма, я думаю, что выясненію ихъ задачи и повода можетъ только содѣйствовать перепечатка здѣсь, изъ „Новаго Времени“ первой, психологической части сообщенія г. Шарапова о его разговорѣ со мною. Въ изложеніи этой части я измѣняю только два-три слова, которыми мой собесѣдникъ не вполнѣ точно или удачно передалъ первоначально мою мысль.

„Современная психологія признаетъ, что *разумъ*, *чувство* и *воля* представляютъ не три отдѣльныя области, а лишь три стороны одного нераздѣльнаго душевнаго процесса. Эти элементы вступаютъ между собою въ разныя комбинаціи, причемъ каждый можетъ являться преобладающимъ. Преобладаніе разума, чувства, или воли и опредѣляетъ тотъ или другой *характеръ*, все равно, личный, общественный или рассовый“.

„Евреи вмѣстѣ съ другими семитами отличаются замѣчательной слабостью эмоціональной, чувственной стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ развиті-

емъ стороны формально-разсудочной. Это выражается общеизвѣстнымъ психологическимъ закономъ, по которому эмоціональность душевныхъ состояній обратно пропорціональна ихъ интелектуальному характеру. Чтобы провѣрить этотъ законъ въ данномъ случаѣ, достаточно опредѣлить характеръ еврейскаго воображенія. Оно имѣетъ дѣло не съ живыми образами, а съ математическими схемами. И это кладетъ особый отпечатокъ на весь характеръ еврейскаго творчества. Оно сплошь носитъ формально-положительный характеръ, рѣзко отвращаясь отъ всего неопредѣленнаго, безконечнаго. У еврея все реально, позитивно, начиная съ религіи, имѣющей рѣзко формальный характеръ. Прибавьте сюда другія черты: крайне стойкую и упорную волю, не отклоняемую никакими эмоціями, волю направляющуюся *только* къ дѣятельностямъ, дающимъ опредѣленные, наглядные результаты. Еврей всегда и во всемъ *практическій позитивистъ*."

„Теперь идите дальше. Во всѣхъ своихъ побужденіяхъ и поступкахъ еврей, какъ позитивистъ, руководится *единственно положительными формами и законами*. У него отсутствуетъ всякое иное, неформально нравственное начало, и отсюда неизбѣжное слѣдствіе: во всѣхъ неясностяхъ положительныхъ формъ и законовъ еврейство обходитъ ихъ съ самой спокойной совѣстью. Второе неизбѣжное слѣдствіе — крайній утилитаризмъ. Утилитаризмомъ наполнена вся еврейская религія; на немъ же основаны вся ихъ жизнь и дѣятельность. Практически-утилитарный характеръ проглядываетъ даже въ псалмахъ царя Давида, не говоря уже про Моисеево законодательство.....

„Соедините теперь воедино этотъ крайній утилитаризмъ съ неуклонною волею, отсутствіемъ эмо-

ціональности, отсутствіемъ высшаго руководящаго (не формальнаго) начала, отсутствіемъ стремленія къ безконечному и безкорыстному —и соціальная роль еврейства станетъ совершенно ясна. Это— роль *эксплоататора*. Еврейство неизмѣнно вездѣ ведетъ борьбу съ другими народами, между которыми оно живетъ, но нигдѣ эта борьба не носитъ такого страшнаго характера, какъ въ Россіи. Повсюду евреи являются элементомъ *абсолютно безполезнымъ въ духовной экономіи народа*. Отсутствіе стремленій къ безконечному и безкорыстному, создавая имъ силу для практической эксплоатаціи, обусловливаетъ ихъ величайшее духовное убожество въ смыслѣ творчества. Обратите вниманіе, что свидѣтельствуетъ исторія науки и искусствъ. Ни одна расса не давала столько одаренныхъ всесторонне людей во всѣхъ областяхъ жизни и ни одна не давала такъ мало геніевъ, ибо именно *геній есть проба безконечнаго и безкорыстнаго*. Еврейство дало въ новое время лишь одного генія, Спинозу, да и то—не принимаемаго ни евреями, ни христіанами."

Какіе *выводы* я отсюда дѣлаю? — „достаточно ясно изъ самихъ писемъ „Еврейство и Россія".

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ сборникъ статей, представляющихъ, въ цѣломъ, своего рода обвинительный актъ противъ такихъ „благъ" современности, какъ торжествующее соціальное начало, буржуазія, парламентаризмъ, космополитизмъ, утилитаризмъ, позитивизмъ и т. п., встрѣтитъ не мало противниковъ. Въ числѣ ихъ найдутся вѣроятно и недобросовѣстные. Для послѣднихъ очень легко будетъ побѣдоносно бороться со мною простымъ указаніемъ на то, что предлагаемыя газетныя статьи суть *только* газетныя статьи, а не обстоятельныя научныя изслѣдованія. Въ этой борьбѣ

противъ *статей* они будутъ правы; но это и не будетъ борьба противъ высказанной въ статьяхъ *мысли*. Противникъ добросовѣстный, который захочетъ серьезно обсуждать самую эту мысль, будетъ имѣть въ виду и болѣе полудюжины изданныхъ мною ранѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія служащихъ къ ея научному обоснованію брошюръ и книжекъ, какъ напр. „Смыслъ исторіи и идеалы прогресса“, „Симптомы и причины“, „Страданіе и наслажденіе жизни“, „Чувство, какъ нравственное начало“, „Національность“ и др. Но не сомнѣваюсь я и въ томъ, что эта книжка въ нѣкоторыхъ русскихъ умахъ и сердцахъ встрѣтитъ и сочувственный отголосокъ, затронетъ и гармонически настроенныя струны....

Этимъ-то русскимъ умамъ и сердцамъ, незараженнымъ буржуазно-утилитарнымъ предразсудкомъ парламентаризма, отрицающаго и историческій народъ и народное государство и всякій идеалъ, кромѣ некультурнаго, с о ц і а л ь н а г о, я и предлагаю настоящій сборникъ, безъ опасеній за его судьбу.

П. Астафьевъ.

Москва.
1891 г. 5 апрѣля.

П. Е. Астафьевъ.

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПИСЕМЪ „ЕВРЕЙСТВО И РОССІЯ“.

Изданіе М. И. Астафьевой.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1891.

Astaf'ev, P. E.

П. Е. Астафьевъ.

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Москва, Арбатъ, домъ Платонова.
1891.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

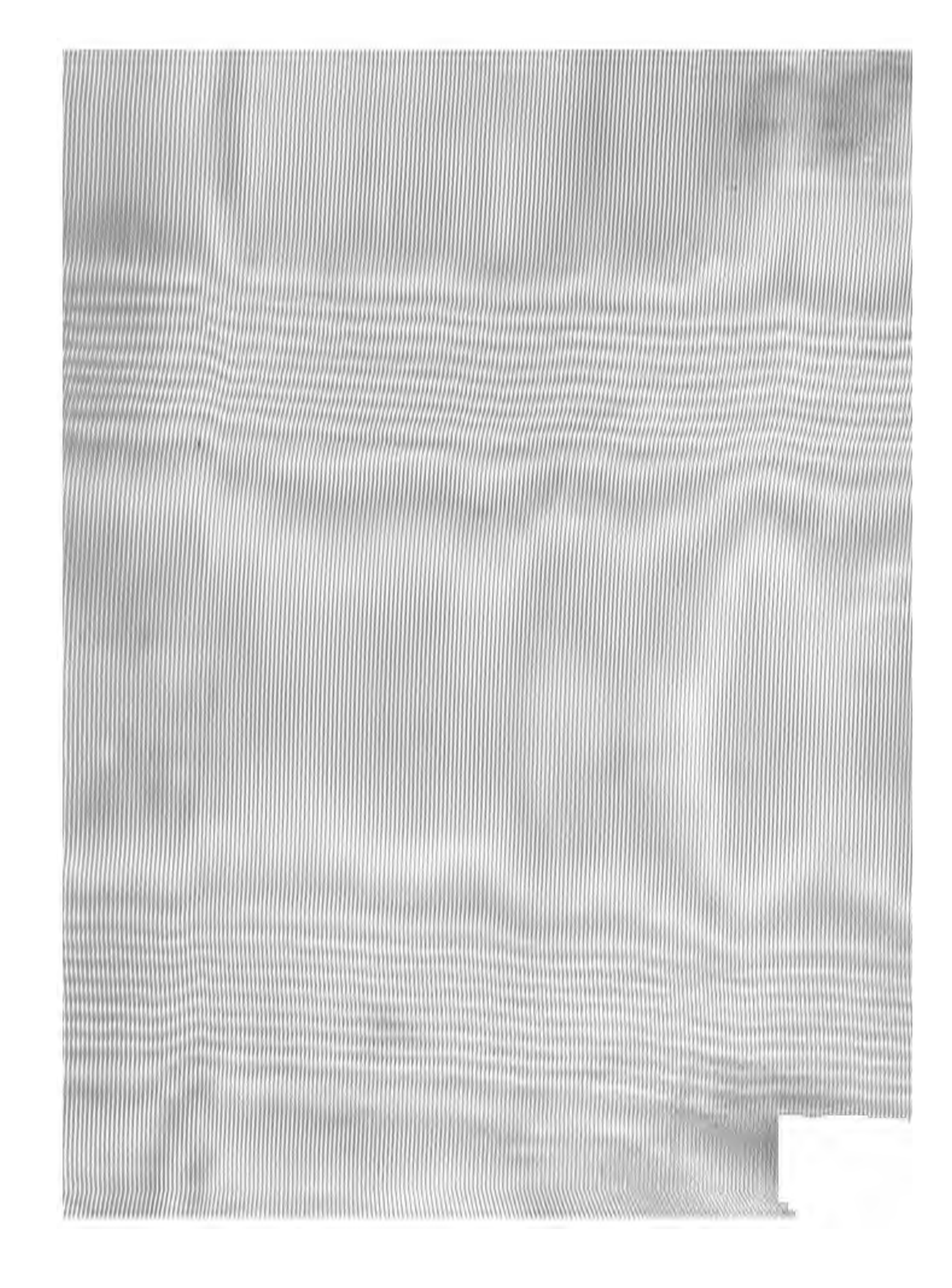
Я всегда былъ безконечно далекъ отъ мысли — считать себя публицистомъ по призванію. И самыя глубокія симпатіи и духовные интересы и особенности личнаго характера и выработавшіеся за много лѣтъ любимые пріемы и привычки мысли — все это влекло меня всегда въ иную область, болѣе ясную, чистую и спокойную, — въ область вопросовъ чистой науки и философіи! Но жизнь не терпитъ слишкомъ полнаго и долгаго эпикурейскаго уединенія отъ ея страстныхъ тревогъ и жгучихъ запросовъ въ эту безмятежную область, даже когда дѣло идетъ о ея немногихъ баловняхъ. Даже ихъ только на рѣдкіе счастливые часы отпускаетъ она изъ своихъ властныхъ объятій, чтобы тѣмъ настоятельнѣе заявить затѣмъ свои на нихъ притязанія, тѣмъ стремительнѣе вовлечь снова въ свой водоворотъ. Немного найдется философовъ, которые хотя на время не бывали бы вынуждены становиться болѣе или менѣе публицистами, если только *страстно*, искренно преслѣдовали и свою чисто—философскую задачу. Общую участь раздѣляю и я. Предлагаемая книжка представляетъ рядъ экскурсій моихъ въ публицистическую область, въ формѣ появлявшихся въ двухъ газетахъ и связанныхъ одною общей мыслью передовыхъ статей и писемъ къ редакторамъ. Единство высказанной въ нихъ съ разныхъ

точекъ зрѣнія, въ разныхъ примѣненіяхъ, мысли лишаетъ ихъ хотя отчасти того характера отрывочности и неизбѣжной неполноты, которымъ необходимо запечатлѣна всякая газетная статья, взятая отдѣльно, ничѣмъ не восполняемая и не приводимая въ связь съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ автора. Этимъ единствомъ общей мысли, отнимающимъ у нихъ характеръ случайности, и оправдывается собраніе предлагаемыхъ статей въ одну книжку. Первая часть ея, озаглавленная „изъ итоговъ вѣка", не требуетъ особаго объясненія тѣхъ поводовъ, которыми вызваны вошедшія въ нее статьи (первая изъ нихъ напечатана въ послѣдній день 1890 года, въ „Московскомъ Листкѣ" отъ 31 декабря): приближаясь къ концу вѣка, такъ естественно попытаться дать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути! Но вторая часть,—письма (къ редактору-издателю „Русской Жизни", А. А. Пороховщикову) „Еврейство и Россія",—не только служитъ спеціальною иллюстраціей къ общей мысли, высказанной въ „изъ итоговъ вѣка", а имѣетъ и нѣкоторую свою собственную интимную исторію, разъясненію которой—въ „предисловіи" наилучшее мѣсто.

Вполнѣ признавая глубокую, жизненнѣйшую важность выдвинутаго послѣднимъ временемъ на очередь „еврейскаго вопроса", и составивъ себѣ совершенно опредѣленный взглядъ на него, въ связи съ моимъ общимъ понятіемъ о роли и значеніи представительницы соціальнаго начала, буржуазіи, во всей новой Европейской исторіи, я не располагалъ однако высказывать этотъ взглядъ печатно. Я ждалъ, чтобы болѣе меня компетентные въ вопросахъ *политической* жизни, ближе съ ними знакомые, высказали этотъ взглядъ, представлявшійся мнѣ единственно возможнымъ, идейнымъ и справедливымъ

безъ сентиментальности, болѣе основательно и авторитетно, чѣмъ могъ это сдѣлать я. Себѣ я предоставлялъ только высказаться, при случаѣ, о *психологической* сторонѣ вопроса, той сторонѣ его, въ оцѣнкѣ которой имѣю основаніе считать себя не столь безпомощнымъ и дурно-вооруженнымъ, какъ въ обсужденіи вопроса чисто-политическаго. Этотъ случай и представился мнѣ, когда г. Шараповъ ко мнѣ, какъ профессіональному психологу, обратился съ вопросомъ, въ чемъ я вижу и чѣмъ себѣ объясняю психологическія особенности еврейскаго характера. Съ удовольствіемъ удовлетворивъ его желаніе (не для того же я двадцать лѣтъ занимаюсь философіею и психологіею, чтобы держать *въ секретѣ* добытые мною, вѣрные или невѣрные, выводы!?), я ничего не имѣлъ и противъ напечатанія имъ, въ извлеченіи, разговора его со мною объ этомъ предметѣ. Въ „Новомъ Времени“ отъ 3-го января 1891 года и появился отчетъ г. Шарапова объ этомъ разговорѣ. Этотъ краткій отчетъ, въ которомъ *психологическая сторона моего взгляда на еврейство* передана г. Шараповымъ съ почти безупречною точностью, вызвалъ въ печати много и сочувственныхъ моей мысли и враждебныхъ ей отзывовъ. Къ сожалѣнію—и сочувствіе и негодованіе относились не къ вѣрно переданной моимъ собесѣдникомъ, психологической части нашего разговора, а къ *практическимъ и политическимъ* выводамъ изъ моего взгляда,—выводамъ, которые и моимъ собесѣдникомъ и читателями его отчета могли только *предполагаться*, такъ какъ я самъ ихъ и не высказывалъ и даже совершенно опредѣленно *отказался* высказать моему собесѣднику. Въ этихъ *предполагаемыхъ* выводахъ изъ моего взгляда было высказано столько недоразумѣній, столько безъ-

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Его Императорскому Высо-
честву, Государю Великому
Князю,

Сергию Александровичу —

отъ беззаветно преданнаго,
счастливаго ее видеть,

Л. Лезаревичъ

1891 г. 8 Июня —

П. Е. Астафьевъ.

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПИСЕМЪ „ЕВРЕЙСТВО И РОССІЯ“.

Изданіе М. И. Астафьевой.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1891.

точекъ зрѣнія, въ разныхъ примѣненіяхъ, мысли лишаетъ ихъ хотя отчасти того характера отрывочности и неизбѣжной неполноты, которымъ необходимо запечатлѣна всякая газетная статья, взятая отдѣльно, ничѣмъ не восполняемая и не приводимая въ связь съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ автора. Этимъ единствомъ общей мысли, отнимающимъ у нихъ характеръ случайности, и оправдывается собраніе предлагаемыхъ статей въ одну книжку. Первая часть ея, озаглавленная „изъ итоговъ вѣка“, не требуетъ особаго объясненія тѣхъ поводовъ, которыми вызваны вошедшія въ нее статьи (первая изъ нихъ напечатана въ послѣдній день 1890 года, въ „Московскомъ Листкѣ“ отъ 31 декабря): приближаясь къ концу вѣка, такъ естественно попытаться дать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути! Но вторая часть,—письма (къ редактору-издателю „Русской Жизни“, А. А. Пороховщикову) „Еврейство и Россія“,—не только служитъ спеціальною иллюстраціей къ общей мысли, высказанной въ „изъ итоговъ вѣка“, а имѣетъ и нѣкоторую свою собственную интимную исторію, разъясненію которой—въ „предисловіи“ наилучшее мѣсто.

Вполнѣ признавая глубокую, жизненнѣйшую важность выдвинутаго послѣднимъ временемъ на очередь „еврейскаго вопроса“, и составивъ себѣ совершенно опредѣленный взглядъ на него, въ связи съ моимъ общимъ понятіемъ о роли и значеніи представительницы соціальнаго начала, буржуазіи, во всей новой Европейской исторіи, я не располагалъ однако высказывать этотъ взглядъ печатно. Я ждалъ, чтобы болѣе меня компетентные въ вопросахъ *политической* жизни, ближе съ ними знакомые, высказали этотъ взглядъ, представлявшійся мнѣ единственно-возможнымъ, идейнымъ и справедливымъ

безъ сентиментальности, болѣе основательно и авторитетно, чѣмъ могъ это сдѣлать я. Себѣ я предоставлялъ только высказаться, при случаѣ, о *психологической* сторонѣ вопроса, той сторонѣ его, въ оцѣнкѣ которой имѣю основаніе считать себя не столь безпомощнымъ и дурно-вооруженнымъ, какъ въ обсужденіи вопроса чисто-политическаго. Этотъ случай и представился мнѣ, когда г. Шараповъ ко мнѣ, какъ профессіональному психологу, обратился съ вопросомъ, въ чемъ я вижу и чѣмъ себѣ объясняю психологическія особенности еврейскаго характера. Съ удовольствіемъ удовлетворивъ его желаніе (не для того же я двадцать лѣтъ занимаюсь философіею и психологіею, чтобы держать *въ секретѣ* добытые мною, вѣрные или невѣрные, выводы!?), я ничего не имѣлъ и противъ напечатанія имъ, въ извлеченіи, разговора его со мною объ этомъ предметѣ. Въ „Новомъ Времени" отъ 3-го января 1891 года и появился отчетъ г. Шарапова объ этомъ разговорѣ. Этотъ краткій отчетъ, въ которомъ *психологическая сторона моего взгляда на еврейство* передана г. Шараповымъ съ почти безупречною точностью, вызвалъ въ печати много и сочувственныхъ моей мысли и враждебныхъ ей отзывовъ. Къ сожалѣнію—и сочувствіе и негодованіе относились не къ вѣрно переданной моимъ собесѣдникомъ, психологической части нашего разговора, а къ *практическимъ и политическимъ* выводамъ изъ моего взгляда,—выводамъ, которые и моимъ собесѣдникомъ и читателями его отчета могли только *предполагаться*, такъ какъ я самъ ихъ и не высказывалъ и даже совершенно опредѣленно *отказался* высказать моему собесѣднику. Въ этихъ *предполагаемыхъ* выводахъ изъ моего взгляда было высказано столько недоразумѣній, столько безъ-

идейной страсти съ одной стороны и столько неосновательныхъ и грубо-корыстныхъ притязаній съ другой, что я считалъ себя уже не вправѣ долѣе воздерживаться отъ разъясненія недоумѣній, къ которымъ невольно далъ поводъ. Вотъ что вызвало и мои письма „Еврейство и Россія", —письма, въ которыхъ я стараюсь объяснить роль еврейства въ современной жизни, какъ роль наиболѣе законченнаго, послѣдовательнаго и характернаго представителя жизненныхъ началъ и стремленій чисто-соціальной, но негосударственной и ненаціональной *буржуазіи*, такъ всесторонне и рѣшительно повліявшей на ходъ новой Европейской исторіи. Въ *этомъ* для меня и весь смыслъ вопроса и его рѣшеніе.

Выпуская снова въ свѣтъ эти письма, я думаю, что выясненію ихъ задачи и повода можетъ только содѣйствовать перепечатка здѣсь, изъ „Новаго Времени" первой, психологической части сообщенія г. Шарапова о его разговорѣ со мною. Въ изложеніи этой части я измѣняю только два-три слова, которыми мой собесѣдникъ не вполнѣ точно или удачно передалъ первоначально мою мысль.

„Современная психологія признаетъ, что *разумъ*, *чувство* и *воля* представляютъ не три отдѣльныя области, а лишь три стороны одного нераздѣльнаго душевнаго процесса. Эти элементы вступаютъ между собою въ разныя комбинаціи, причемъ каждый можетъ являться преобладающимъ. Преобладаніе разума, чувства, или воли и опредѣляетъ тотъ или другой *характеръ*, все равно, личный, общественный или рассовый".

„Евреи вмѣстѣ съ другими семитами отличаются замѣчательной слабостью эмоціональной, чувственной стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ развиті-

емъ стороны формально-разсудочной. Это выражается общеизвѣстнымъ психологическимъ закономъ, по которому эмоціональность душевныхъ состояній обратно пропорціональна ихъ интелектуальному характеру. Чтобы провѣрить этотъ законъ въ данномъ случаѣ, достаточно опредѣлить характеръ еврейскаго воображенія. Оно имѣетъ дѣло не съ живыми образами, а съ математическими схемами. И это кладетъ особый отпечатокъ па весь характеръ еврейскаго творчества. Оно сплошь носитъ формально-положительный характеръ, рѣзко отвращаясь отъ всего неопредѣленнаго, безконечнаго. У еврея все реально, позитивно, начиная съ религіи, имѣющей рѣзко формальный характеръ. Прибавьте сюда другія черты: крайне стойкую и упорную волю, не отклоняемую никакими эмоціями, волю направляющуюся *только* къ дѣятельностямъ, дающимъ опредѣленные, наглядные результаты. Еврей всегда и во всемъ *практическій позитивистъ*."

„Теперь идите дальше. Во всѣхъ своихъ побужденіяхъ и поступкахъ еврей, какъ позитивистъ, руководится *единственно положительными формами и законами*. У него отсутствуетъ всякое иное, неформально нравственное начало, и отсюда неизбѣжное слѣдствіе: во всѣхъ неясностяхъ положительныхъ формъ и законовъ еврейство обходитъ ихъ съ самой спокойной совѣстью. Второе неизбѣжное слѣдствіе — крайній утилитаризмъ. Утилитаризмомъ наполнена вся еврейская религія; на немъ же основаны вся ихъ жизнь и дѣятельность. Практически-утилитарный характеръ проглядываетъ даже въ псалмахъ царя Давида, не говоря уже про Моисеево законодательство.....

„Соедините теперь воедино этотъ крайній утилитаризмъ съ неуклонною волею, отсутствіемъ эмо-

ціональности, отсутствіемъ высшаго руководящаго (не формальнаго) начала, отсутствіемъ стремленія къ безконечному и безкорыстному — и соціальная роль еврейства станетъ совершенно ясна. Это — роль *эксплоататора*. Еврейство неизмѣнно вездѣ ведетъ борьбу съ другими народами, между которыми оно живетъ, но нигдѣ эта борьба не носитъ такого страшнаго характера, какъ въ Россіи. Повсюду евреи являются элементомъ *абсолютно безполезнымъ въ духовной экономіи народа*. Отсутствіе стремленій къ безконечному и безкорыстному, создавая имъ силу для практической эксплоатаціи, обусловливаетъ ихъ величайшее духовное убожество въ смыслѣ творчества. Обратите вниманіе, что свидѣтельствуетъ исторія науки и искусствъ. Ни одна расса не давала столько одаренныхъ всесторонне людей во всѣхъ областяхъ жизни и ни одна не давала такъ мало геніевъ, ибо именно *геній есть проба безконечнаго и безкорыстнаго*. Еврейство дало въ новое время лишь одного генія, Спинозу, да и то — не принимаемаго ни евреями, ни христіанами."

Какіе *выводы* я отсюда дѣлаю? — „достаточно ясно изъ самихъ писемъ „Еврейство и Россія".

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ сборникъ статей, представляющихъ, въ цѣломъ, своего рода обвинительный актъ противъ такихъ „благъ" современности, какъ торжествующее соціальное начало, буржуазія, парламентаризмъ, космополитизмъ, утилитаризмъ, позитивизмъ и т. п., встрѣтитъ не мало противниковъ. Въ числѣ ихъ найдутся вѣроятно и недобросовѣстные. Для послѣднихъ очень легко будетъ побѣдоносно бороться со мною простымъ указаніемъ на то, что предлагаемыя газетныя статьи суть *только* газетныя статьи, а не обстоятельныя научныя изслѣдованія. Въ этой борьбѣ

противъ *статей* они будутъ правы; но это и не будетъ борьба противъ высказанной въ статьяхъ *мысли*. Противникъ добросовѣстный, который захочетъ серьезно обсуждать самую эту мысль, будетъ имѣть въ виду и болѣе полудюжины изданныхъ мною ранѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія служащихъ къ ея научному обоснованію брошюръ и книжекъ, какъ напр. „Смыслъ исторіи и идеалы прогресса", „Симптомы и причины", „Страданіе и наслажденіе жизни", „Чувство, какъ нравственное начало", „Національность" и др. Но не сомнѣваюсь я и въ томъ, что эта книжка въ нѣкоторыхъ русскихъ умахъ и сердцахъ встрѣтитъ и сочувственный отголосокъ, затронетъ и гармонически настроенныя струны....

Этимъ-то русскимъ умамъ и сердцамъ, незараженнымъ буржуазно-утилитарнымъ предразсудкомъ парламентаризма, отрицающаго и историческій народъ и народное государство и всякій идеалъ, кромѣ некультурнаго, соціальнаго, я и предлагаю настоящій сборникъ, безъ опасеній за его судьбу.

П. Астафьевъ.

Москва.
1891 г. 5 апрѣля.

менная жизнь подсказываетъ намъ не сомнительный, недвусмысленный отвѣтъ. И то дѣло, которое этотъ отвѣтъ признаетъ за дѣло доживаемаго нами вѣка, настолько важно, настолько глубоко и всестронне успѣло повліять на самую природу современнаго человѣка и его отношеніе къ міру и жизни, что сгладить это вліяніе, уничтожить это дѣло остающіяся до конца вѣка девять лѣтъ уже не въ состояніи, какія непредразчислимыя событія ни привели бы они съ собою. Жребій уже вынутъ!..

Вступило человѣчество въ девятнадцатый вѣкъ съ беззавѣтной, непоколебимой вѣрой въ себя, свои силы и задачи, съ безконечной вѣрой въ безусловныя требованія и въ законы своего разума, чувства и воли. Создать отвѣчающіи этимъ требованіямъ и законамъ, обезпечивающія ихъ живую цѣлокупность внѣшнія формы жизни, учрежденія,— такова была задача, предносившаяся западному міру на зарѣ девятнадцатаго вѣка, какъ его историческое призпаніе. Небывалый, роскошный разцвѣтъ философіи, наукъ, искусства, наряду съ ревностнымъ исканіемъ наилучшихъ внѣшнихъ формъ жизни для составлявшей идеалъ прекрасной, высоко и всесторонне развитой человѣческой личности,— вотъ чѣмъ отмѣчена первая треть, почти до половины вѣка.

Совершенно иную картину представляетъ намъ современный конецъ вѣка. Человѣчество, вполнѣ утратившее всякую вѣру въ себя, въ свои силы и задачи, рѣшительно отрицающее какія бы то ни было безусловныя требованія и законы своего разума, чувства и воли, и вѣрующее только въ *учрежденія*, признающее лишь внѣшнія формы и полезности жизни, а уже не идеалъ прекрасной личности, и этимъ формамъ и благамъ подчиняющее

всѣ силы, чаянія и требованія своего духа, — такова современная картина западнаго міра. Отсутствіе всякаго творчества, упадокъ философіи, науки и искусства, общее пониженіе уровня нравственной личности, оскудѣніе ея духовнаго, человѣчнаго содержанія во всѣхъ сферахъ, начиная съ религіозной, и вмѣстѣ — сосредоточеніе всѣхъ помысловъ и стремленій исключительно въ накопленіи внѣшнихъ благъ и жизненныхъ удобствъ и въ устроеніи политическихъ и общественныхъ формъ жизни — вотъ крупнѣйшія черты этой картины. Прошло для запада время Гёте, Байроновъ, Диккенсовъ, Гегелей, Шопенгауэровъ и Бетховеновъ, время Бальзаковъ, Шумановъ и Гофмановъ, — всѣхъ этихъ великановъ, свидѣтельствовавшихъ еще такъ недавно о той высотѣ подъема и глубинѣ содержанія, какія доступны человѣческому духу!.. Великановъ болѣе нѣтъ, да ихъ, — говорятъ, теперь и ненужно: на ихъ мѣсто выдвигаются техники, коммивояжеры, адвокаты, Лессепсы и прежде всего и первѣе всего — всякія учрежденія, союзы, общества и ассоціаціи, начиная съ парламента и банка и кончая „арміями спасенія“ и „обществами чистой любви“ или „нравственнаго усовершенствованія“ (ethical culture, какъ въ Америкѣ или Англіи). Духовная личность уже не вѣритъ ни въ свой собственный умъ, ни въ чувство и волю, сама мельчаетъ, глупѣетъ — теряетъ энергію и творческую силу; *учрежденіе*, *общество*, *уставъ* должны отнынѣ пособить горю, замѣнить вездѣ живой умъ, живое чувство и энергичную волю. Замѣченъ-ли упадокъ нравственныхъ идеаловъ? — Ничего нѣтъ проще, какъ пособить горю: стоитъ только написать уставъ „общества нравственнаго усовершенствованія“ (въ Америкѣ ихъ — десятки), выбрать президента, секретаря и т. п. —

и дѣло готово! Оказались-ли воля и умъ одного человѣка не непогрѣшимыми въ управленіи какимъ-либо обширнымъ дѣломъ? — опять уставъ, поручающій управленіе это множеству умовъ и воль, опять выборъ президентовъ, секретарей и т. п. Падаетъ наука, изсякло творчество въ искусствѣ?—создать какъ можно больше ученыхъ обществъ изъ ничтожныхъ каждый въ отдѣльности книжниковъ, и—художественныхъ — изъ бездарныхъ техниковъ искусства, и—дѣлу конецъ, наука и искусство спасены! Общество ли бѣднѣетъ, не въ силахъ справиться съ своею экономической задачей?—дать ему банки, устроить компаніи на акціяхъ — и оно разбогатѣетъ, если не вовсе раззорится! Упадокъ, измельчаніе *личнаго* духа, личной энергіи и жизненности, и неутомимое созиданіе, на замѣну имъ, обществъ и учрежденій — такова общая черта, несомнѣнно сказывающаяся во всѣхъ сферахъ жизни современности. Начавъ съ горячей вѣры въ себя, въ свои духовныя силы и задачи, человѣкъ нашего вѣка, въ концѣ его, приходитъ къ невѣрію въ эти духовныя силы и задачи, къ полному невѣрію въ себя и къ упованію единственно на свои учрежденія и уставы. Все дѣло жизни для него отнынѣ— только въ послѣднихъ, какъ для прежняго, сильнаго, глубокаго, страстнаго и способнаго къ творчеству человѣка все дѣло было въ безусловныхъ требованіяхъ его духовнаго міра, его ума, чувства и воли.

Какъ въ началѣ вѣка часто выражалась мысль, что „нѣтъ плохихъ сами по себѣ учрежденій, а бываютъ только плохіе люди“, такъ въ наше время господствуетъ, наоборотъ убѣжденіе, что „плохи сами по себѣ бываютъ не люди, а только учрежденія“.

Нѣчто подобное этой перемѣнѣ взгляда произошло на нашихъ глазахъ и на другой сценѣ, въ сравнительно ограниченномъ театральномъ мірѣ, гдѣ прежде признавалось, что нѣтъ безусловно дурныхъ пьесъ, бываютъ же только дурные, бездарные актеры, нынѣ же господствуетъ, повидимому, увѣренность, что виновны въ очевидномъ упадкѣ искусства лишь бездарныя пьесы, бездарныхъ-же какъ и геніальныхъ актеровъ вовсе не бываетъ.

Это выработанное девятнядцатымъ вѣкомъ невѣріе современнаго западнаго человѣка въ себя, равнодушіе его къ интересамъ и силамъ своего духовнаго міра, рядомъ съ слѣпою вѣрою его въ учрежденія и внѣшнія формы и блага своей жизни, выражается главнымъ образомъ въ двухъ крупныхъ фактахъ, оставляемыхъ имъ въ тяжелое наслѣдіе грядущему двадцатому вѣку. Вѣра въ едино спасающее учрежденіе упрочила на Западѣ надолго *парламентаризмъ*; равнодушіе къ интересамъ и опредѣленнымъ задачамъ своего внутренняго міра и болѣе или менѣе полное отрицаніе ихъ привело современнаго человѣка къ особенно характерному для нашего времени *смѣшенію* всѣхъ этихъ задачъ и интересовъ,—къ смѣшенію областей религіи, нравственности, искусства, науки, техники, гигіены и т. п., въ одно чудовищно безформенное, хаотическое цѣлое. Вѣкомъ „парламентаризма“ будетъ XIX вѣкъ для будущаго историка его внѣшней жизни; вѣкомъ „смѣшенія“—для историка его духовнаго, внутренняго развитія. Измельчаніе духовной личности, упадокъ всего, въ чемъ выражается ея жизненная энергія и творческая сила—и религіозности и нравственности, и науки, и искусства и даже умѣнія желать жизни и наслаждаться сю, пессимизмъ—съ одной стороны. Накопленіе внѣш-

нихъ благъ и средствъ для этой вырождающейся, теряющей и способность и желаніе искренно пользоваться ими, безстрастной и не вѣрящей въ свои идеалы личности, рядомъ съ нагроможденіемъ одно на другое все болѣе и болѣе сложныхъ учрежденій для обезпеченія ея хилаго и блѣднаго существованія—съ другой. Вотъ скорбная картина современнаго Запада конца XIX вѣка, картина того міра, изъ котораго все замѣтнѣе живоносная „душа убываетъ", и въ которомъ человѣку, такъ недавно еще кичившемуся своимъ званіемъ сына девятнадцатаго вѣка, становится и жутко и тѣсно, становится „и жить скучно, и умирать страшно", по выраженію нашего поэта. Совершенно подобную картину рисуетъ намъ ученый Моммсенъ, описывая эпоху передъ гибелью древняго Рима; онъ кончаетъ свое описаніе коротко и выразительно, словами: „Римъ умиралъ"...

Но не преувеличиваемъ ли мы? Не слишкомъ ли мало цѣнимъ мы несомнѣнный положительный продуктъ всей жизни девятнадцатаго вѣка на Западѣ, выработанныя ею политическія и общественныя *учрежденія,* въ которыя западный человѣкъ нашихъ дней полагаетъ всю душу свою? Не слишкомъ ли, съ другой стороны, преувеличенное значеніе придаемъ мы той утратѣ человѣкомъ *вѣры* въ себя, въ безусловныя требованія, задачи и законы своей мысли, своего чувства и воли, которая выражается въ отказѣ отъ осуществленія этихъ требованій и задачъ въ ихъ строгой чистотѣ, въ *смятеніи* ихъ, въ *духовной дезорганизаціи?* Дѣйствительно ли эта понесенная человѣчествомъ на своемъ пути черезъ пройденный девятнадцатый вѣкъ утрата такъ громадна и жизненна, а пріобрѣтенное имъ на этомъ же пути благо такъ сомнительно и безплодно, что

и характеристику современнаго Запада можно заключить, по Моммсеновски, словами: „Западъ умираетъ“?

Вопросъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться..

Для насъ, русскихъ, существенный интересъ представляетъ особенно одна сторона его. Промыслъ Божій, энергія и вѣрная завѣтамъ исторіи мудрость верховныхъ Вождей нашего народа и самыя глубочайшія особенности характера и міровоззрѣнія этого народа не допустили насъ пока до положенія своей души исключительно въ *бездушныя и безличныя* учрежденія, до утраты вѣры во все, кромѣ учрежденій и общественныхъ организацій. Душа въ насъ еще не вовсе „убыла“; идеалы наши все еще болѣе личные, живые и глубокіе, чѣмъ идеалы исключительно политическіе или экономическіе; въ насъ еще остается богатый запасъ жизненности. Но и въ нашемъ обществѣ, особенно въ „интеллигентныхъ“ слояхъ его, оставили нѣкоторые глубокіе слѣды разъѣдающія вліянія западнаго духовнаго разложенія за пережитой вѣкъ. Мы вполнѣ чужды и парламентаризма и соціализма въ его западной формѣ; но слѣды того смѣшенія высшихъ и жизненныхъ задачъ духа, религіи, нравственности, науки, искусства и т. п., въ которомъ выражается отказъ отъ нихъ, утрата вѣры въ нихъ, и у насъ уже обозначились довольно опредѣленно. На нихъ то и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе...

II.

То сосредоточеніе всѣхъ духовныхъ интересовъ, чаяній и стремленій въ области политическихъ учрежденій и общественныхъ организацій, въ исключительной и лихорадочно-напряженной заботѣ о накопленіи приложимыхъ, полезныхъ знаній, объ успѣхахъ исключительно техники и внѣшнихъ благахъ, которымъ характерно отличается человѣкъ конца нашего вѣка, есть несомнѣнно продуктъ жизни этого вѣка. Ничего подобнаго не представляютъ намъ предшествующіе вѣка: ни такихъ невѣроятныхъ успѣховъ техники и прикладныхъ знаній, ни такого колоссальнаго экономическаго и промышленнаго движенія, ни — въ особенности — такого развитія политическихъ и общественныхъ организацій, такой ревнивой о нихъ заботливости и такой слѣпой вѣры въ нихъ. Параллельно съ усиленіемъ этой вѣры, съ возобладаніемъ надъ всѣми прочими интересами жизни исключительно этой заботы и съ возрастающимъ упроченіемъ въ жизни западнаго человѣчества идеаловъ и формъ парламентаризма — развивалось, все яснѣе обозначаясь, и другое, еще болѣе жизненно важное теченіе. Росли и крѣпли учрежденія, ежедневно праздновала новые успѣхи техника, накоплялись громадныя элономическія богатства, *а самъ человѣкъ*, для котораго все это созидалось, все болѣе

въ которомъ она невольно и неизбѣжно привлекается *всѣми* своими силами къ дѣятельному участію въ жизни безличныхъ и однако всю ея участь опредѣляющихъ учрежденій и общихъ организацій? Силы ея всецѣло требуются для участія въ этой рѣшающей его судьбы, безличной и бездушной жизни; а между тѣмъ, какого напряженія, какой глубины ни достигли бы эти ея личныя силы, исходъ ихъ затраты, достиженіе или недостиженіе намѣченной задачи зависитъ не отъ нихъ, а все отъ того же бездушнаго и безличнаго механизма учрежденія, организаціи! Что могутъ сдѣлать личная энергія и личное богатство при какомъ-нибудь милліардномъ промышленномъ крахѣ, или сила личнаго убѣжденія при измѣняющейся по общимъ, вовсе не изъ убѣжденій а изъ борьбы интересовъ зарождающимся причинамъ, комбинаціи партій въ парламентѣ? Очевидно такъ-же мало, какъ мало помогутъ сила, знаніе и воля запертому въ вагонъ пассажиру при желѣзнодорожномъ крушеніи! Личность здѣсь неизбѣжно стушевывается передъ всесильнымъ движеніемъ слѣпого, хотя-бы и предназначеннаго для самой благой и высокой цѣли механизма.

Но она не только безсильна передъ нимъ, не только отступаетъ на задній планъ, обреченная только *сообразоваться* съ нимъ, *приспособляться* къ его требованіямъ, сдерживая свои собственныя, личныя стремленія,—а и *должна* отступать на задній планъ, *должна* подавлять слишкомъ энергичное проявленіе своей внутренней жизни во имя такого приспособленія къ механизму. Иначе она, слишкомъ энергично проявясь, или будетъ раздроблена, уничтожена или,—если сама машина слаба,—затормозитъ дѣйствіе машины, помѣшаетъ выполненію ея задачи. Такъ и канцелярскій чиновникъ, которому

вздумалось-бы проявить въ своей канцелярской работѣ свое творчество, какія-либо свои завѣтныя мечты или страстныя стремленія духа,—или будетъ выгнанъ изъ канцеляріи безъ пощады, или много напортитъ въ ея дѣлахъ и затормозитъ ея задачу...

Личнаго творчества, глубины и высокаго развитія личнаго духа здѣсь нетолько не требуется, но они здѣсь даже вредны, даже *не допускаются*, должны быть подавляемы. Въ особенности требуетъ такого приниженія духовной личности, такого сведенія всѣхъ ея задачъ къ одному дѣлу—приспособленія къ даннымъ независимо отъ нея обстоятельствамъ, — тотъ строй жизни, при которомъ каждый прямо или косвенно долженъ принимать участіе въ *управленіи* страной, строй конституціонный съ его девизомъ парламентаризма. Въ этомъ строѣ глубоко и высоко развитая, энергичная и страстная личность не только не встрѣчаетъ для себя благопріятнаго поприща,—благопріятенъ онъ лишь для безсодержательныхъ, безъидейныхъ и безстрастныхъ, умѣлыхъ только въ приспособленіи къ обстоятельствамъ оппортунистовъ,—но и прямо неумѣстна, вредна. Слишкомъ высокое развитіе духовной личности, слишкомъ глубокое и сильное выраженіе ея жизни, здѣсь нарушаютъ общую гармонію и естественно подвергаются остракизму, изгнанію. Не даромъ требовалъ такого изгнанія, (по увѣнчаніи, впрочемъ, лаврами) для слишкомъ горячо и глубоко волнующихъ душу гражданъ и отвлекающихъ ихъ отъ ихъ гражданской задачи музыкантовъ и поэтовъ, еще языческій Платонъ. Того же требовалъ и полуязыческій Ж Ж. Руссо для всякой слишкомъ выдающейся личности; того же требовали и старые соціалисты, словомъ всѣ, идеалъ которыхъ—не въ совершенной лич-

ности, а въ совершенномъ учрежденіи. Совершенство учрежденій, какъ высшая задача жизни, требуетъ не высоко развитой творческой личности, а, наоборотъ, *безличной приспособляющейся посредственности*. Что же удивительнаго въ томъ, что строй жизни, воплощающій такой идеалъ, и приводитъ къ все большему оскудѣнію личности, замѣняя ее безличною, оппортунистскою посредственностью? Вѣдь и у насъ прошлое царствованіе, сразу привлекшее такую массу „силъ“ къ участію въ разныхъ новыхъ учрежденіяхъ, дало что то очень мало выдающихся творческихъ талантовъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ, — философіи, наукѣ, искусствѣ, сравнительно съ царствованіемъ Николая I, однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ этомъ отношеніи!...

Приспособленіе къ обстоятельствамъ вмѣсто вѣры и страсти въ преслѣдованіи своихъ опредѣленныхъ идеаловъ; отсутствіе этой вѣры и страсти, безъидейная посредственность вмѣсто живущей глубокой и страстной внутренней жизнью, сильной личности, — вотъ что и требуется и создается выработаннымъ девятнадцатымъ вѣкомъ на западѣ строемъ жизни. Какія-же могутъ быть для выхоленной имъ „безъидейной посредственности“ идеалы? каковы и религія, и философія, и нравственность, и наука и искусство!?! Оппортунизмъ и утилитаризмъ изо дня въ день—вотъ ихъ достаточная замѣна здѣсь. Личный мимолетный интересъ—вотъ что остается единственнымъ руководящимъ началомъ человѣка, растерявшаго, забывшаго подъ давленіемъ этого строя, всѣ свои идеалы...

Но вѣдь не приводилъ подобный же политичес. кій строй къ тому-же безотрадному результату въ языческой древности, давшей намъ первые образцы этого строя?! Отвѣтъ на это недоумѣніе заслуживаетъ особой бесѣды.

III.

Когда напряженная забота о ростѣ и развитіи учрежденій становится въ обществѣ исключительной, поглощаетъ всѣ его жизненныя стремленія и интересы и занимаетъ всѣ его наличныя силы, то уровень личнаго развитія, энергія и глубина личной жизни, полнота духовнаго содержанія ея естественно, какъ мы видимъ, понижаются. Личные характеры представляютъ все менѣе рѣзко опредѣленныхъ очертаній и личное творчество отступаетъ передъ упраздняющими его и враждебными ему механизмами учрежденій, общественныхъ организацій. Общее обезличеніе, обезцвѣченіе жизни, уравненіе людей и автоматизація дѣятельностей, совершающихся уже безъ придававшей имъ ранѣе жизненный интересъ личной страсти и творчества, съ бездушной правильностью и неизбѣжностью машины, — таковы естественныя черты подобнаго общества. Чертами этими несомнѣнно запечатлѣно современное западное общество, потратившее весь послѣдній вѣкъ своей жизни на служеніе исключительно дѣлу учрежденій и изъ котораго, по сознанію самыхъ блестящихъ и крупныхъ его представителей, (какъ напримѣръ Гизо, Дж. Ст. Милль и др.) все очевиднѣе „душа убываетъ“. Крупная, глубоко живущая личность, интересная и для себя, и для другихъ, все болѣе становится въ

немъ анахронизмомъ; безличная посредственность, скучающая своей лишенной внутренняго интереса и теплоты жизнью,—вотъ что явилось ей на смѣну. Скука жизни (aedium vitae), отчаяніе пессимизма, отсутствіе характера и убѣжденія, безстрастная, при всей своей лихорадочности, дѣятельность —вотъ удѣлъ этой доживающэй XIX вѣкъ и имъ воспитанной посредственности. Она скучаетъ, она отчаявается, теряетъ и охоту, и способность жить; —очевидно, что ея положеніе ненормально, что жизнь приведшая новое человѣчество къ этому положенію, шла по ложному пути!

Но почему же не былъ ложнымъ подобный же путь въ древнемъ, классическомъ мірѣ? Почему не чувствовалъ его ненормальности и не страдалъ отъ нея, не скучалъ, не отчаявался, а напротивъ, жилъ со всей свѣжестью, силою и полнотой жизнерадостной юности человѣкъ того умершаго міра, несмотря на то, что вся его жизнь *безусловно* опредѣлялась служеніемъ учрежденію, ему была посвящена отъ колыбели до могилы? Вѣдь древній человѣкъ былъ нѣчто, имѣлъ какіе нибудь значеніе и смыслъ именно не какъ человѣкъ, а только какъ *гражданинъ*, только какъ болѣе подчиненная или господствующая часть общественно-государственной машины, — ея задачѣ исключительно подчинялся *всѣми* сторонами своего существованія и дѣятельности?.. А жизнь его была и ясна, и энергична, и прекрасна?!..

Отвѣтъ на вопросъ данъ уже въ самомъ вопросѣ. Классическій міръ довольствовался жизнью, вся задача которой сводилась къ сохраненію и росту учрежденій, а не къ глубинѣ и высотѣ личнаго развитія, жизнью, не требовавшей и недопускавшей слишкомъ высоко-развитой духовной личности

во имя проникавшаго эту жизнь насквозь идеала *равенства*, посредственности,—именно потому что онъ былъ міръ классическій, *до христіанскій*. Это былъ міръ, въ которомъ *еще не было* ни яснаго понятія о духовной личности, сознанія святости ея назначенія, ея духовныхъ задачъ и правъ, ни дѣйствительно высоко и сознательно развитой, самостоятельной личности.

Человѣчество, жившее въ этомъ мірѣ, не знавшемъ ничего выше служенія роднымъ учрежденіямъ, было человѣчество юное, только еще вступившее на предназначенный грядущимъ вѣкамъ путь развитія. Въ немъ, какъ и во всякомъ начиняющемъ развиваться и жить существѣ, отдѣльныя части, органы, еще не опредѣлились, не выдѣлились изъ общаго зародыша. Внутреннихъ различеній было мало, въ цѣломъ представлялась однородная, еще безхарактерная, не индивидуализировавшаяся масса одинаково чувствующихъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ особей. Древній грекъ или римлянинъ былъ вообще столь же схожъ съ другими греками и римлянами его города и класса, какъ схожи между собою въ наше время и дѣти, сравнительно со взрослыми, какъ болѣе схожи между собою и по облику, и по міровоззрѣнію, и по характеру люди низшихъ, земледѣльческихъ классовъ, сравнительно съ людьми высшихъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ. Рѣзко выраженной и выдѣляющейся изъ окружающаго личности въ этой средѣ еще не было; равенство здѣсь было не только преобладающимъ явленіемъ, но и идеаломъ; опредѣленность и значеніе имѣло только общее, масса, но не частное, не лицо. Въ подобной средѣ даже и выдающаяся по своей духовной силѣ и доблести личность совершала свои духовные и политическіе

подвиги, руководясь не безусловнымъ, внутреннимъ идеаломъ, во имя его самаго, но идеаломъ и стремленіемъ массы же во имя его общности. Таковы и были лучшіе люди, герои классической древности въ періодъ ея полнаго разцвѣта.

Конецъ этому періоду положили софисты и Сократъ, выдвинувшіе впередъ новое для своего времени понятіе самоцѣнной духовной личности, а затѣмъ—войны и паденіе Греціи, перенесшія эту враждебную классическому строю идею въ Римъ. Это—періодъ разложенія древняго міра, періодъ борьбы политическаго идеала гражданина съ идеаломъ духовнаго человѣка. Наконецъ „времена исполнились“, и надъ міромъ засіяла христіанская истина, признавшая духовную личность, ея назначеніе и ея внутреннюю жизнь за самое святое, высокое и цѣнное въ бытіи. Озаренный свѣтомъ этой истины, человѣкъ нашелъ въ себѣ впервые невѣдомую раньше безсмертную душу, нашелъ ея вѣчную, все живящую и всему въ жизни придающую смыслъ и дѣйствительную цѣну задачу. Къ этой задачѣ онъ и обратился, страстно предался ей отнынѣ всѣми своими силами, отвернувшись рѣшительно отъ того строя жизни, въ которомъ духовная личность признавалась только *для* учрежденія и *черезъ* учрежденіе. Классическій міръ, весь построенный на этомъ началѣ, былъ отнынѣ осужденъ безповоротно и дальше существовать не могъ ни политически, ни духовно. Не только политически эмансипировало христіанство духовную личность отъ всецѣло поглощавшаго ея силы служенія учрежденіямъ, но и духовно. И наука, и искусство, и нравственность, и религія, имѣвшія дотолѣ лишь значеніе служебныхъ *средствъ* политической и общественной жизни, получили ясное сознаніе своихъ безусловныхъ, вѣч-

ныхъ, сами по себѣ цѣнныхъ задачъ, получили и возможность *самостоятельнаго* развитія. Только съ этимъ и появляется точное и плодотворное для духовной жизни *разграниченіе* областей права, нравственности и политики, политики и религіи и т. п.—областей, сливавшихся между собою, переходившихъ незамѣтно одна въ другую для всего клас сическаго міра. Эта политическая и духовная эмансипація личности отъ учрежденія, совершенная христіанствомъ, была и гибелью для классическаго міра. И самые ожесточенные враги христіанства (наприм. Цельзъ) именно въ этомъ сознаніи и почерпали свою страстную ненависть къ послѣднему.

Но если строй классической древности, вначалѣ просто не знавшей еще невыработавшейся духовной личности, а подъ конецъ страстно, но безсильно отрицавшей ее, былъ, девятнадцать вѣковъ тому назадъ, разрушенъ христіанствомъ, то возможно-ли воскресить этотъ строй теперь, въ нашемъ христіанскомъ обществѣ, *сознавшемъ* уже значеніе духовной личности и дѣйствительно развившемъ ее въ себѣ до громадной высоты и полноты? Возможно-ли подчинить наше старое общество, съ его развившеюся индивидуальностью мыслей, чувствъ и характеровъ, строю зародышеваго, не представлявшаго внутреннихъ различій человѣчества, спокойно жившаго съ вѣрованіемъ, что „личность для учрежденій“?

Мы глубоко убѣждены, что невозможно. Мы убѣждены, что строй жизни, сосредоточивающій всѣ силы и интересы личности въ служеніи исключительно учрежденіямъ, отвѣчаетъ лишь нуждамъ и силамъ обществъ *младенческихъ,* начинающихъ жить, а не нуждамъ и силамъ обществъ высокоразвитыхъ, съ выработавшеюся, сильной и глубокой личностью,

какъ сплошь проповѣдывалось, однако, въ нашъ вѣкъ и въ печати и съ университетскихъ каѳедръ. Возможенъ такой строй лишь въ обществѣ *младенческомъ и не просвѣщенномъ христіанствомъ.* Въ нашемъ обществѣ, и христіанскомъ и высоко-развитомъ, попытки его искусственнаго воскрешенія не могутъ проходить безнаказанно, пока не удастся искоренить до конца всякій слѣдъ нашего христіанства и нашего развитія. Наказаніе за подобную попытку воскрешенія отжившихъ идеаловъ и формъ жизни и выноситъ теперь на себѣ западное человѣчество, цѣлый вѣкъ на нее потратившее, въ своемъ роковомъ пессимизмѣ, отчаяніи, въ своей скукѣ жизни, растерянности и духовной дезорганизаціи.

И къ какому результату привела эта роковая попытка даже не во внутреннемъ мірѣ подорвавшаго ею свою жизненность современнаго человѣка, а въ сферѣ самихъ учрежденій, составлявшихъ предметъ ея заботъ и надеждъ? Во что обратилось, и по духу, и по формѣ, участіе древняго полноправнаго гражданина въ управленіи своей страной— въ нашемъ современномъ западномъ парламентаризмѣ?...

IV.

Первымъ попыткамъ развитія и упроченія на европейскомъ материкѣ такъ называемыхъ „свободныхъ“ учрежденій, парламентаризма, предшествовало, почти черезъ весь XVIII вѣкъ, особенно ревностное изученіе свободныхъ учрежденій классическаго міра. Въ нихъ искали образца для новаго государственнаго строя европейскаго міра всѣ политическіе писатели, безъ различія направленій, принадлежащіе времени, подготовившему первую „великую“ французскую революцію. Увлеченіе учрежденіями классической республики и добродѣтелями классическаго языческаго гражданина не только наложило своеобразную печать и на духъ, и на тонъ всей литературы того времени, но проникло и въ нравы, и во вкусы всѣхъ слоевъ общества. Въ первые годы революціи оно дошло даже до такихъ комическихъ проявленій, какъ, напримѣръ, почти обязательное для каждаго искренняго революціонера именованіе себя какимъ нибудь извѣстнымъ именемъ классическаго героя или мудреца. Всѣ аптекари, переплетчики, репортеры и адвокаты превратились, разомъ, какъ бы по волшебству, въ Ликурговъ, Муціевъ, Катоновъ, Сципіоновъ, Ѳукидидовъ! Съ тою же легкостью, какъ усвоялось древнее знаменитое имя, захотѣли усвоить цѣликомъ и древнюю политическую форму, дававшую участіе въ управ-

какъ сплошь проповѣдывалось, однако, въ нашъ вѣкъ и въ печати и съ университетскихъ каѳедръ. Возможенъ такой строй лишь въ обществѣ *младенческомъ и не просвѣщенномъ христіанствомъ*. Въ нашемъ обществѣ, и христіанскомъ и высоко-развитомъ, попытки его искусственнаго воскрешенія не могутъ проходить безнаказанно, пока не удастся искоренить до конца всякій слѣдъ нашего христіанства и нашего развитія. Наказаніе за подобную попытку воскрешенія отживших идеаловъ и формъ жизни и выноситъ теперь на себѣ западное человѣчество, цѣлый вѣкъ на нее потратившее, въ своемъ роковомъ пессимизмѣ, отчаяніи, въ своей скукѣ жизни, растерянности и духовной дезорганизаціи.

И къ какому результату привела эта роковая попытка даже не во внутреннемъ мірѣ подорвавшаго ею свою жизненность современнаго человѣка, а въ сферѣ самихъ учрежденій, составлявшихъ предметъ ея заботъ и надеждъ? Во что обратилось, и по духу, и по формѣ, участіе древняго полноправнаго гражданина въ управленіи своей страной— въ нашемъ современномъ западномъ парламентаризмѣ?...

IV.

Первымъ попыткамъ развитія и упроченія на европейскомъ материкѣ такъ называемыхъ „свободныхъ“ учрежденій, парламентаризма, предшествовало, почти черезъ весь XVIII вѣкъ, особенно ревностное изученіе свободныхъ учрежденій классическаго міра. Въ нихъ искали образца для новаго государственнаго строя европейскаго міра всѣ политическіе писатели, безъ различія направленій, принадлежащіе времени, подготовившему первую „великую“ французскую революцію. Увлеченіе учрежденіями классической республики и добродѣтелями классическаго языческаго гражданина не только наложило своеобразную печать и на духъ, и на тонъ всей литературы того времени, но проникло и въ нравы, и во вкусы всѣхъ слоевъ общества. Въ первые годы революціи оно дошло даже до такихъ комическихъ проявленій, какъ, напримѣръ, почти обязательное для каждаго искренняго революціонера именованіе себя какимъ нибудь извѣстнымъ именемъ классическаго героя или мудреца. Всѣ аптекари, переплетчики, репортеры и адвокаты превратились, разомъ, какъ бы по волшебству, въ Ликурговъ, Муціевъ, Катоновъ, Сципіоновъ, Ѳукидидовъ! Съ тою же легкостью, какъ усвоялось древнее знаменитое имя, захотѣли усвоить цѣликомъ и древнюю политическую форму, дававшую участіе въ управ-

леніи государствомъ каждому полноправному гражданину древней республики. Не успѣли и не могли только усвоить себѣ самого характера этого классическаго гражданина и его міровоззрѣнія, его языческихъ добродѣтелей и жизненной обстановки и прежде всего—его понятій о „политической свободѣ", внеся все это изъ своей новой, *христіанской* культуры въ чуждую ея духу и ея требованіямъ древнюю форму. Отсюда и произошло то, что форма эта, въ свое время и для людей своего времени бывшая нормальною и вполнѣ послѣдовательною, въ наше время и въ наше общество внесла уже при первомъ ея водвореніи глубокое самопротиворѣчіе, коренную, разлагающую и духовную и политическую жизнь, внутреннюю ложь.

Эта внутренняя ложь въ понятіи современнаго парламентаризма о „политической свободѣ", ложь, отъ которой была свободна классическая республика, совершенно очевидна.

Для древняго гражданина его участіе въ управленіи родиною было обязательнымъ *служеніемъ* той задачѣ, которая естественно и неизбѣжно опредѣлялась его гражданскимъ положеніемъ, но не выводилось изъ его личныхъ *правъ*, не понималось имъ какъ *гарантія* этихъ личныхъ правъ или гарантія осуществленія своихъ личныхъ *интересовъ*. О какихъ либо правахъ личности, какъ личности, независимо отъ ея гражданскаго положенія, древній человѣкъ не зналъ; рабство и существованіе, на ряду съ полноправнымъ гражданиномъ, неполноправныхъ, въ его міровоззрѣніи представлялись чѣмъ-то не только вполнѣ естественнымъ, но и необходимымъ. Безъ раба́ и неполнаго гражданина былъ немыслимъ и гражданинъ, управляющій своей страной. Жизненная необходимость одного для

другого такъ громко и ясно сказывалась во всемъ классическомъ строѣ жизни, что, напр. Ж. Ж. Руссо въ своемъ знаменитомъ „Contrat social“ съ ужасомъ восклицаетъ: „неужели же дѣйствительная свобода осуществима только на почвѣ рабства?!“ и не находитъ другаго отвѣта, чѣмъ: „какъ знать!“ Но древній гражданинъ не только не зналъ правъ личности и въ своемъ управленіи страной не искалъ средствъ для осуществленія или гарантіи этихъ невѣдомыхъ ему личныхъ правъ, но по возможности оставался и внѣ сферы чисто личныхъ *интересовъ*,—земледѣлія, хозяйства, ремеслъ, торговли и т. п. Все это выполнялось рабами и неполноправными гражданами, ему же оставались одна задача: управленіе страной—и два интереса: любовь къ родинѣ и честолюбіе. Его личная жизнь не выдѣлялась изъ общей жизни сограждаиъ и не противополагалась имъ ни во имя личныхъ интересовъ и правъ, даже наконецъ ни во имя личныхъ убѣжденій, такъ какъ и въ этой области господствовала общность міровоззрѣнія, страстей и вѣрованій. Полная гармонія съ окружающей жизнью характеризуетъ классическаго гражданина и духовно, и въ бытовомъ, и въ политическомъ отношеніи: поэтому-то гармонія—*красота*,—и стояла у него въ іерархіи его идеаловъ на первомъ, высшемъ мѣстѣ, и красотою все пріобрѣталось и все искупалось въ умершемъ языческомъ мірѣ. Безъ личныхъ правъ, почти безъ личныхъ интересовъ, страстей и убѣжденій, съ очень неглубокою семейной и личной, внутренней жизнью, древній гражданинъ тѣмъ легче гармонически сливался съ общею жизнью своего государства, что это государство было *очень маленькое*, ограничивающееся чаще всего однимъ городомъ, всѣ граждане котораго лично хорошо знали другъ друга,

какъ сосѣди. Слишкомъ крупныхъ различій въ задачахъ и стремленіяхъ здѣсь быть не могло. Что-же удивительнаго въ томъ, что участіе въ управленіи, „политическая свобода“ гражданъ здѣсь и въ идеѣ, и въ дѣйствительности, были *служеніемъ дѣлу государства*, а не гарантіею личныхъ правъ и интересовъ, не орудіемъ въ ихъ борьбѣ?!

То ли представляетъ намъ и идея и дѣйствительность политической свободы въ современномъ парламентаризмѣ? Съ начала и до конца нѣчто противоположное; съ начала и до конца — самопротиворѣчивое! Первому опыту новыхъ свободныхъ учрежденій уже предшествовала знаменитая „декларація правъ человѣка“. Во имя *правъ личности*, а уже не во имя служенія государству, потребовали политической свободы. Она потребовалась, какъ гарантія, обезпеченіе правъ и интересовъ личности противъ посягательствъ государственнаго цѣлаго. Это обезпеченіе видѣли въ томъ, что самое государство поручается распоряженію личностей, которыя, управляя имъ посредствомъ выраженія своей воли и убѣжденія, черезъ то самое *каждая управляетъ сама собой*. Во имя управленія самимъ собой такимъ образомъ признается за лицемъ *право* управлять цѣлымъ государствомъ; не только о рабствѣ, но даже и о сословномъ строѣ ради нуждъ государства уже не можетъ быть рѣчи. Участіе въ общемъ управленіи, разрѣшеніи общей задачи, предоставляется уже не тѣмъ, кто имѣетъ мало личныхъ интересовъ, какъ было въ древности, а наоборотъ тѣмъ, кто ихъ имѣетъ много; въ качествѣ гарантіи личнаго интереса, политическая свобода и ненужна тѣмъ, у кого его нѣтъ. Безкорыстное служеніе общегосударственной задачѣ прямо исключается уже этимъ понятіемъ о политической

свободѣ, какъ гарантіи личныхъ интересовъ, убѣжденій и правъ; изъ представительства послѣднихъ должно однако сложиться представитльство *народа*, какъ единаго цѣлаго, осуществленіе его единой задачи!?

Внутреннее самопротиворѣчіе, непоправимый софизмъ здѣсь очевидны, и вѣковое подчиненіе западной жизни этому самопротиворѣчію уже открыто произнесло надъ собою приговоръ. Кто теперь вѣритъ на Западѣ, что человѣкъ подающій въ собраніи свой голосъ, eo ipso, дѣйствительно *самъ* управляетъ собой? Кто вѣритъ, что, подчиняясь рѣшенію многоголоваго, безличнаго лишеннаго совѣсти большинства, человѣкъ свободнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ и обезпеченнѣе въ своихъ интересахъ, чѣмъ подчиняясь живой личной совѣсти, волѣ и мысли? Кто не знаетъ, *какъ* образуется это большинство, первое условіе котораго — временная уступка и въ убѣжденіяхъ и въ интересахъ, — союзъ со вчерашнимъ врагомъ, подкупъ, компромиссъ! Кто вѣритъ и въ прочность этого большинства, въ прочность получившаго сегодня господство и давшаго государственной жизни направленіе интереса, убѣжденія? Какъ возможна какая-либо непрерывная преемственность въ развитіи общества, переживающаго коренныя измѣненія въ направленіи своей жизни со всякой случайной перемѣной большинства? И если бы это вѣчно мѣняющееся большинство и составлялось не на почвѣ корысти, безнравственнаго компромисса и подкупа, и выражало бы дѣйствительныя нужды и волю *общества* въ данный моментъ его жизни, въ данныхъ случайныхъ условіяхъ, — то, что въ немъ общаго съ выраженіемъ нуждъ и воли единаго историческаго *народа*? Какъ можетъ оно служить интересамъ не

общества только, а ***историческаго національнаго государства***, какъ можетъ оно даже не отрицать задачу этого историческаго національнаго государства? Но даже и дѣйствительныхъ нуждъ, и воли общества не выражаетъ это искусственно составляемое, на время сплоченное большинство, а лишь—умѣніе одной части общества воспользоваться случайными обстоятельствами для доставленія временнаго торжества своему интересу, торжества, которымъ она и спѣшитъ воспользоваться, пока можно! „Убирайся съ мѣста, чтобы *я* его занялъ", таковъ циничный лозунгъ этого порядка жизни, высказанный уже громко старою, благовоспитанною Европой; менѣе воспитанная Америка высказала ту же мысль еще грубѣе и прямѣе, провозгласивъ устами генерала Джаксона: „добыча побѣдителямъ"! Что общаго между этимъ разбойничьимъ идеаломъ и прекрасными мечтами прадѣдовъ о „свободѣ", „народномъ представительствѣ" и „общемъ благѣ?!"

Воцаряясь въ Западной Европѣ путемъ всеувлекающаго въ свой мутный потокъ, всѣ сферы жизни захватывающаго парламентаризма, этотъ разбойничій, но отнюдь не классическій идеалъ неуклонно и все замѣтнѣе приводитъ къ своимъ неизбѣжнымъ результатамъ. Все болѣе глубокое нравственное паденіе личности, безпринципная погоня за наживой и минутнымъ успѣхомъ, оппортунизмъ, общее пониженіе духовнаго уровня личности съ одной стороны; упраздненіе государства, замѣна задачъ историческаго народа задачами настоящаго общества, невозможность преемственной національной жизни, космополитическое разложеніе—съ другой! Конечное торжество парламентаризма совпало бы съ полнымъ упраздненіемъ на Западѣ духовной личности, государства и національности,—съ воз-

вратомъ человѣчества въ первобытное состояніе далекаго доисторическаго прошлаго...

Эта перспектива развитія парламентаризма начинаетъ въ наши дни ясно сознаваться, приводя ихъ въ ужасъ, болѣе ясными и смѣлыми умами Запада. Особенно укажемъ изъ нихъ на знаменитаго Поля Леруа-Болье, который признаетъ, что „современное государство болѣе всякаго другаго хрупко, мимолетно, подкупно и склонно къ притѣсненію“; онъ становится рѣшительно на сторону абсолютной монархіи „незараженной грѣхомъ представительства“.

Но если бы единичные мыслители, подобные Леруа Болье, и были унесены безслѣдно западнымъ потокомъ парламентариза, то онъ безсильно разобьется о другую преграду, о другой оплотъ національности, государственности и человѣчной культуры. Этотъ оплотъ, эту несокрушимую преграду онъ встрѣтитъ на Востокѣ, въ сильной, вѣрной себѣ и способной къ энергичной и глубокой жизни Россіи,—Россіи, еще религіозной, немыслимой безъ самодержанія и народности.

Рядомъ съ этимъ движеніемъ въ политическомъ мірѣ—и духовный міръ западнаго человѣка претерпѣваетъ соотвѣтственное коренное измѣненіе. И въ этомъ мірѣ вѣра въ какія нибудь общія и безкорыстныя задачи мысли, чувства и воли и стремленіе къ нимъ все болѣе и болѣе изглаживаются, оставляя мѣсто лишь вѣрѣ въ частный интересъ и благо, и стремленію къ нимъ. Тамъ-же, гдѣ эта бѣдная вѣра уже подорвана—и стремленіе явно оказалось неосуществимымъ, оставляется мѣсто лишь для овладѣвшаго культурными слоями всей Европы отчаянія пессимизма. Неограниченное развитіе самыхъ корыстныхъ, низменныхъ и завистливыхъ инстинктовъ въ низшихъ слояхъ общества, еще не вкусившихъ отъ раздражающихъ ихъ своимъ блескомъ и доступностью „благъ" цивилизаціи и непричастныхъ ея богатствамъ; болѣе страстный или болѣе холодный, но вполнѣ безнадежный и безъисходный пессимизмъ въ высшихъ его, интелигентныхъ слояхъ, не придающихъ уже цѣны этимъ благамъ и богатствамъ, и ни во что въ замѣну имъ не вѣрящихъ. Что же и представляла прожитая ими жизнь такого, что могло-бы дать тѣмъ и другимъ или отнять у нихъ вѣру во что либо иное и высшее, чѣмъ личный интересъ и его торжество, личное благополучіе, купленное какою бы то ни было цѣной? Политическая игра парламентаризма, безостановочныя видоизмѣненія партій, поднимающихъ то знамя, которое въ данный моментъ выгоднѣе поднять, признающихъ одно и то же убѣжденіе истиннымъ, когда оно владѣетъ большинствомъ, и ложнымъ, когда оно его утратило, обнимающихъ, какъ самыхъ дорогихъ друзей, тѣхъ самыхъ, съ кѣмъ враждовали на смерть вчера и кому готовятъ гибель на завтра, минутный успѣхъ, необузданное пользованіе тѣмъ, что

онъ могъ доставить, и затѣмъ безслѣдное и безславное исчезновеніе со сцены съ тѣмъ, что удалось награбить!!., Такова была школа *идеаловъ* для современнаго западнаго человѣка; только вѣру въ личное благополучіе могла дать ему эта школа и только эту же вѣру могла она разрушить въ немъ, такъ какъ никакого *другаго* идеала и не было въ ея собственной основѣ. Въ результатѣ получилось подчиненіе личному минутному и корыстному интересу нетолько самостоятельнаго идеала государства и народности, но и всѣхъ другихъ идеаловъ мысли и чувства. Получилось отрицаніе не только „государства для государства", или исторической народности для народности, но и отрицаніе науки для науки, религіи для религіи, искусства для искусства, нравственности для нравственности. За всѣмъ этимъ содержаніемъ духа признавалось отнынѣ значеніе лишь въ смыслѣ орудія личнаго счастія и пользы; для тѣхъ же, кто утратили вѣру и въ это счастіе и пользу — утрачивало всякую цѣну и все то духовное богатство, какъ уже ни на что негодное орудіе. Въ душѣ— открывалась мертвая пустыня, дающая пріютъ лишь безнадежному отчаянію пессимизма.

Не пройдя, по благости Божіей, растлившей западъ школы его политической жизни, наше общество, въ своихъ интеллигентныхъ слояхъ, позаимствовало однакоже нѣкоторые отравленные плоды этой школы. И въ немъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, находили себѣ, да находятъ еще и нынѣ пріютъ всѣ эти отрицанія науки для науки, религіи для религіи, искусства для искусства, нравственности для нравственности,—смѣшеніе задачъ и началъ всѣхъ этихъ духовныхъ дѣятельностей, во имя ихъ утилитарнаго пониманія

и, наконецъ, естественный, неизбѣжный результатъ такого утилитаризма—пессимистическое отношеніе къ міру и жизни.

Уяснить въ ихъ настоящемъ и глубокомъ значеніи внутреннюю ложь и зло этихъ нашихъ несчастныхъ позаимствованій у запада,—такова настоятельная и безъ сомнѣнія своевременная задача наша.

VI.

Сближая западную современность нѣкоторыми чертами внѣшняго сходства со строемъ древняго классическаго міра, свободныя политическія учрежденія XIX вѣка скрываютъ за этимъ внѣшнимъ сходствомъ, однако, весьма существенное и глубокое различіе, доходящее до полной противоположности. Вытекая не изъ интересовъ и правъ отдѣльной личности, но изъ нуждъ общаго дѣла (respublica), государства, участіе гражданина въ управленіи въ древности и оставалось послѣдовательно *служеніемъ* его общегосударственной задачѣ. Въ наше время, наоборотъ, это участіе выводится изъ личныхъ правъ и интересовъ, политическая свобода является лишь гарантіею и орудіемъ осуществленія послѣднихъ, а усиленіе и расширеніе политической свободы естественно ведетъ и въ теоріи и въ практикѣ къ упраздненію и ограниченію государства, все далѣе отступающаго передъ интересами соціальными, космополитическаго, экономическаго характера. Представитель послѣднихъ въ новое время, т. е. средній, торгово-промышленный классъ все болѣе становится настоящимъ обладателемъ политической свободы и распорядителемъ міровыхъ судебъ. Онъ постепенно занимаетъ все болѣе господствующее и руководящее положеніе, — положеніе, какого онъ въ классическомъ строѣ государства никогда не имѣлъ и

по самому духу его (политическому, а не соціальному) имѣть не могъ. Подъ схожими внѣшними формами открываются такимъ образомъ совершенно противоположныя, взаимно исключающія руководящія начала и идеалы. Въ результатѣ и жизнь, развивавшаяся въ этихъ формахъ, приводитъ къ прямо противоположнымъ результатамъ: росту государственности въ древности и упраздненію государства космополитическимъ обществомъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Начало, бывшее созидающимъ, положительнымъ въ древнемъ мірѣ, становится разрушительнымъ въ мірѣ новомъ, христіанскомъ.

Ту же самую противоположность и по внутреннему значенію своему, и по тѣмъ результатамъ, въ которыхъ они выражаются, представляютъ и нѣкоторыя другія явленія, общія древнему классическому міру и переживаемой нами современности и придающія началу исторіи въ Европѣ черты внѣшняго сходства съ концомъ XIX вѣка. Укажемъ здѣсь на двѣ такія черты, какъ бы сближающія наше время съ языческимъ и особенно глубоко-характеризующія самый духовный строй человѣка классическаго и человѣка новѣйшаго.

Первая изъ этихъ чертъ — несомнѣнно общій обоимъ „утилитаризмъ“ въ дѣятельности и мысли ихъ, господство требованій цѣлесообразности, полезности надъ всякими иными безкорыстными и безусловными началами жизни. Этою чертой, сближающей ихъ между собою, древній греко римскій міръ съ одной стороны и XIX вѣкъ—съ другой, очень характерно отличаются отъ лежащаго между ними долгаго историческаго періода, въ который человѣчество вступило съ новыми началами христіанства и въ которомъ оно развивало и развило эти начала въ цѣлую христіанскую культуру, вплоть до

начавшаго дѣло ея разрушенія XVIII вѣка. Классическій древній міръ былъ глубоко утилитаренъ въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ и человѣка, сравнительно съ пришедшимъ ему на смѣну міромъ христіанскимъ, съ его безусловными и безкорыстными началами, святость и обязательность которыхъ признавались совершенно независимо отъ ихъ житейски-практической полезности, приложимости и цѣлесообразности. Древній человѣкъ не цѣнилъ ни практически-безполезнаго дѣла, ни чисто теоретической, не имѣющей въ виду приложенія мысли. Это наложило характерную печать на всю его духовную жизнь, на его науку и философію, на его нравственность и нравы, на его государство и школу. Мудрость выражалась для него не въ практически-безплодномъ стремленіи проникнуть въ глубочайшія тайны бытія, въ область безконечнаго, но въ житейскомъ благоразуміи, и самою высшею мудростью представлялась ему высшая и важнѣйшая форма этого благоразумія — мудрость политическая. Къ выработкѣ въ человѣкѣ послѣдней должны были содѣйствовать и всѣ науки его, и философія, и его школа. Только въ этомъ полагалось ихъ назначеніе въ цвѣтущую пору древности. Знаніе какъ знаніе, поскольку оно оставалось внѣ приложенія, не вело къ *искусству*, не увеличивало силъ гражданина въ борьбѣ съ природой или въ дѣлахъ общественной жизни и управленія, не цѣнилось и не искалось. Самое понятіе добродѣтели грекъ выражалъ словомъ, буквально означающимъ „доблесть“, то есть способность, умѣнье и силу выполнить принятую на себя задачу. Не доблестный, слабый или неумѣло, нецѣлесообразно дѣйствующій, былъ для него уже eo ipso— недобродѣтельный. Какъ не признавалъ онъ без-

полезнаго, неприложимаго знанія, такъ не признавалъ онъ и безполезнаго въ общемъ строѣ человѣка. „Каждый дѣлай свое“ т. е. выполняй задачу, опредѣляемую его положеніемъ въ жизни,— такова была высшая нравственная заповѣдь древняго грека, специализировавшая добродѣтели человѣка, смотря по занимаемому имъ въ цѣломъ строѣ жизни положенію, такъ что мудрость у ремесленника далеко не имѣла значенія такой высокой добродѣтели, какъ у правителя, а храбрость у правителя — такой цѣны, какъ у воина. Всѣ духовныя силы и способности должны были служить опредѣленной, конкретной цѣли, быть полезными, — и теоретическія и нравственныя. Искусство, то есть цѣлесообразное, конкретное воплощеніе этихъ силъ въ слово, образъ и дѣло, вотъ что составляло задачу всей духовной жизни классическаго, до христіанскаго человѣка; красота и цѣлесообразность слова, образа и дѣла—его высшіе критеріи при опредѣленіи достоинства всякаго проявленія личности человѣческой и достоинства ея самой. Утилитарный и конкретный, самъ себя понимавшій и цѣнившій лишь по своей конкретной *роли въ цѣломъ*, по своему участію въ его общей гармоніи, древне-классическій духъ былъ совершенно чуждъ того страстнаго и безкорыстнаго идеализма, того не утилитарнаго стремленія къ безконечному и безусловному, которые внесло въ міръ христіаство, провозгласившее „безусловную цѣнность духовной личности и ея задачъ“ самихъ по себѣ, независимо отъ какихъ либо внѣшнихъ цѣлей и конкретныхъ отношеній. Христіанство въ самомъ принципѣ и во всѣхъ его послѣдовательныхъ выводахъ *отринуло утилитаризмъ* древняго языческаго міра. Эмансипировавъ несознававшую себя дотолѣ духовную личность отъ

узъ этого утилитаризма, оно сразу и безконечно облагородило ее, углубило ея внутреннюю жизнь и положило начала болѣе свободной, болѣе благородной и глубокой культурѣ.

Семнадцать вѣковъ своей жизни употребило человѣчество съ тѣхъ поръ на выясненіе и воплощеніе безусловныхъ, неутилитарныхъ началъ и идеаловъ этой болѣе свободной и благородной христіанской культуры. Подвижничество во всѣхъ его видахъ, рыцарство, признаніе и развитіе до необычайной глубины и полноты содержанія не утилитарныхъ науки для науки, нравственности для нравственности, искусства для искусства, углубленіе религіознаго духа, откровенія совершенно невѣдомыхъ классической древности областей мистическаго — вотъ что увидѣло свѣтъ подъ вліяніемъ новаго духа и придало жизни новое содержаніе и цѣнность. Съ XVIII вѣка начинается на Западѣ поворотъ назадъ, къ утилитаризму до-христіанскаго міра, достигающему наконецъ полнаго торжества и въ мысли и въ жизни конца XIX вѣка, который уже сплошь, искренно и безспорно утилитаренъ.

Но и здѣсь возвратъ къ минувшему далеко не полонъ и за внѣшнимъ сходствомъ укрывается глубочайшее различіе и — различіе опять не къ выгодѣ и не къ славѣ XIX вѣка. И здѣсь то, что въ древности было положительною силою жизни, въ новомъ христіанскомъ обществѣ является началомъ разрушительнымъ; то, что возвышало древняго человѣка надъ уровнемъ полуживотнаго дикаря, обращается въ глубокое паденіе, въ одичаніе для человѣка современнаго. Человѣкъ классическаго міра, не сознававшій себя и не признавшій за собою какого-либо значенія внѣ того цѣлаго, къ которому онъ принадлежалъ, всѣ нужды и пользы

жизни подчинялъ нуждамъ и пользамъ этого цѣлаго и ими оправдывалъ. Гармоническое участіе въ жизни этого цѣлаго было руководящимъ началомъ и въ его личной жизни и дѣятельности. Самый утилитаризмъ его не былъ утилитаризмомъ одиночной особи, превознесеніемъ ея нуждъ надъ всякою общею задачей и закономъ, но подчиненіемъ послѣднимъ: это былъ утилитаризмъ *идейный*. Въ новомъ христіанскомъ мірѣ онъ уже выступаетъ безъ всякой идейности, со всею грубостью сознательно-эгоистическихъ притязаній особи, въ ея единичности, на подчиненіе своимъ потребностямъ всѣхъ силъ и задачъ окружающаго міра безъ ограниченія. Христіанская идея о безусловной, высшей цѣнности духовной личности и ея духовныхъ, безкорыстныхъ задачъ, мало по малу уступила мѣсто понятію безусловнаго значенія личности только какъ *особи*, независимо отъ ея духовнаго назначенія и какихъ либо безкорыстныхъ и безусловныхъ духовныхъ задачъ. Уже не выполненіе этихъ задачъ, не совершенство духовной личности, но счастіе, благополучіе отдѣльной, надо всѣмъ окружающимъ возвышающейся и всему противополагающейся особи становится высшимъ руководящимъ началомъ жизни. Начало это одинаково далеко и отъ христіанскаго идеала совершенства духовной личности,—идеала, во имя котораго преслѣдовались и задачи безкорыстной науки, религіи, нравственности и т. п., лишь ради ихъ собственнаго совершенства,—и отъ классическаго идеала служенія совершенной жизни цѣлаго гармоническимъ участіемъ въ осуществленіи его задачъ, которымъ подчинялись и бытъ и наука и нравственность и религія. Древній человѣкъ жилъ для своего государства, человѣкъ, вѣрный христіанской идеѣ — для достиженія высшаго

совершенства въ области безкорыстныхъ духовныхъ задачъ, человѣкъ новѣйшаго времени — живетъ только *для себя*, какъ особи, для благополучія этой своей исключительной особи, помимо осуществленія какихъ бы то ни было иныхъ задачъ, общихъ и духовныхъ. Самыя эти задачи въ его міровоззрѣніи должны только служить высшей отнынѣ задачѣ — благополучію, счастію особи въ ея отдѣльности, обособленности. Нравственныя ученія, въ которыхъ мысль ищетъ теоретическаго оправданія этого субъективнаго утилитаризма, были не чужды и классической древности; но тамъ ихъ появленіе и проповѣдь ознаменовали собою начало эпохи *разложенія*. Это былъ — классическій протестантизмъ. Въ новѣйшее время, когда признаніе этихъ ученій въ человѣчествѣ становится все болѣе общимъ и рѣшительнымъ, на нихъ пытаются обосновать, наоборотъ, разныя положительныя *построенія* общественной и государственной жизни. Даже соціализмъ, имѣвшій въ древнемъ мірѣ чисто политическій характеръ, служа задачѣ государства распредѣленіемъ его функцій между гражданами, въ XVIII и XIX вѣкахъ преслѣдуетъ уже задачу увеличенія счастія особи, —распредѣленіемъ жизненныхъ благъ между особями.

Создавъ въ наше время массу самыхъ разнообразныхъ попытокъ своего, болѣе или менѣе остроумнаго теоретическаго оправданія (утилитаризмъ, эволюціонизмъ съ его теоріей приспособленія, какъ высшаго закона жизни и др.) это характерное для современнаго человѣка, — равно неклассическое и нехристіанское, —признаніе личнаго, безъидейнаго блага, блага—какъ только личнаго блага, — за высочайшій идеалъ жизни и ея задачу, и выражается въ общественной жизни со-

временности и поддерживается и укрѣпляется ея формами и явленіями. Такая форма, отвѣчающая идеѣ субъективнаго утилитаризма,—фикція народнаго представительства, въ которомъ „политическая свобода“ является гарантіею и орудіемъ осуществленія борющихся личныхъ правъ и интересовъ. Такія явленія: переходъ политической власти и общественнаго вліянія все болѣе и полнѣе въ руки класса утилитарнаго по призванію, въ руки денежной буржуазіи, и соотвѣтственное ослабленіе значенія элементовъ и силъ общества не утилитарныхъ, національно-политическихъ; отступленіе національно-государственнаго начала передъ космополитически-соціальнымъ; параллельное этому процессу расширеніе и торжество повсюду утилитарнаго даже по религіи своей еврейства, пріобрѣтающаго въ концѣ девятнадцатаго вѣка небывалое ранѣе значеніе *міровой* силы... Это ли не факты?!

Но дѣло на этомъ не останавливается.

VII.

Для языческаго, утилитарнаго древняго міра и благо и достоинство отдѣльной личности всецѣло опредѣлялись ея служеніемъ политической задачѣ своего времени и своей страны, а для новой христіанской, неутилитарной культуры это благо и достоинство столь же полно полагались въ осуществленіи вѣчныхъ и безусловныхъ идеаловъ духа въ разныхъ сферахъ его дѣятельности.—Для новѣйшаго человѣчества конца девятнадцатаго вѣка отношеніе общихъ началъ и единичной особи представляется совершенно инымъ. Здѣсь и жизнь политическаго цѣлаго и всѣ духовныя дѣятельности съ ихъ задачами и идеалами уже не опредѣляютъ собою блага и достоинства отдѣльной личности, но наоборотъ—подчиняются задачѣ ея благополучія, ему исключительно должны служить и отъ этого служенія сами получаютъ весь свой смыслъ и значеніе. О какихъ-либо безусловныхъ идеалахъ, — политическихъ ли, или научныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ и др.—здѣсь уже не можетъ быть рѣчи. Все—для благополучія особи и въ мірѣ внѣшнемъ, и въ мірѣ духовномъ; все и въ томъ и въ другомъ—только предметъ или орудіе эксплоатаціи для личнаго счастія; нѣтъ никакихъ незыблемыхъ началъ ни въ мірѣ, ни въ духѣ, кромѣ этого требованія личнаго счастія: таковъ отрицающій всякую и д е ю въ жизни и въ духѣ новѣйшій утилитаризмъ.

На подобной почвѣ съ неизбѣжной послѣдовательностью человѣкъ приходитъ къ одному изъ двухъ единственно-возможныхъ выводовъ. Или личное счастіе *неосуществимо*, невозможно въ настоящихъ ли условіяхъ жизни или въ какихъ бы то ни было условіяхъ вообще. Отсюда—отрицаніе настоящихъ ли только или всякихъ вообще условій и задачъ жизни, нигилизмъ частный ли или тотъ общій, на все распространяющійся пессимизмъ, крупнѣйшіе представители котораго на Западѣ—Гартманъ, Шопенгауэръ, Леопарди, Аккерманъ, у насъ графъ Л. Н. Толстой. Въ основѣ этого нигилистическаго пессимизма, могущаго, очевидно, подвинуть проникнувшагося имъ человѣка лишь на дѣло разрушенія, но не созиданія настоящей ли, или какой бы то ни было культуры вообще, лежитъ положеніе, принятое графомъ Л. Толстымъ за исходное въ его знаменитомъ не по достоинству сочиненіи „О жизни“, т. е. „человѣкъ живетъ только ради своего блага, и жизнь есть лишъ исканіе своего блага“. Но исходя изъ того же положенія, тѣ, кто еще сохранили вѣру въ возможность осуществленія личнаго счастія, въ возможность утилизированія для него наличныхъ условій и силъ жизни, иначе и относятся къ этимъ условіямъ и силамъ. Не отрицаніе и разрушеніе окружающаго и самихъ себя или порождаемый отчаяніемъ пессимизма безплодный и безъидейный, ибо *безнадежный*, (этимъ отличающійся отъ христіанскаго) аскетизмъ первыхъ, — но буржуазно-утилитарная эксплуатація природы, людей и идей— вотъ руководящее начало ихъ жизни. Тогда какъ для первыхъ, нигилистовъ, вовсе не существуетъ ни вѣры, ни надежды, ни любви, не остается ни желанія, ни силы жить, — для вторыхъ остается и любовь и вѣра и надежда. Но-это — лю-

бовь лишь къ себѣ, и надежда лишь на свое благополучіе, и вѣра въ свое призваніе заставить и міръ, и людей, и идеи послужить этому благополучію. Здѣсь повидимому, въ этой не отчаявающейся, буржуазно-утилитарной части современнаго человѣчества сохраняется еще и жажда жизни, и сила жить дальше. Но условіе и этой жажды, и этой силы,—условіе необходимое,—*успѣхъ* въ дѣлѣ эксплоатаціи жизни. Нѣтъ этого успѣха, не отвѣчаетъ жизнь алчнымъ запросамъ и безграничнымъ мечтамъ ничѣмъ не сдерживаемаго и ни въ чемъ, кромѣ случайнаго успѣха не имѣющаго опоры себялюбія,—и эти жажда и сила жизни оказываются эфемерными, исчезаютъ, какъ дымъ. Человѣкъ съ первой крупной неудачей, теряетъ уже *все безъ остатка* и умножаетъ собою ряды безповоротно павшихъ, отчаявающихся и отрицающихъ. Если же есть успѣхъ и единственная признаваемая имъ цѣль жизни—личное благополучіе достигается болѣе или менѣе—то *какою* цѣною? Цѣною беззавѣтной, ко всему холодной эксплуатаціи всего окружающаго,—и вещей, и учрежденій, и лицъ и идей, — цѣною лишеннаго всякой вѣры, надежды и любви отрицанія всякаго самостоятельнаго, независящаго отъ отношенія къ личному благу, смысла и значенія этихъ вещей и учрежденій, людей и идей,—цѣною бездушнаго отрицанія всего, кромѣ своего ненасытнаго я. „Презрѣніе ко всему, кромѣ себя самаго“ — девизъ человѣка, стоящаго еще на этой почвѣ сытаго утилитаризма. Когда-же жизненные недочеты его съ этой позиціи сбили, то и девизомъ становится знаменитое „презрѣніе ко всему, и къ самому себѣ, и къ самому этому презрѣнію“! Страшная и однако неизбѣжная альтернатива, оба члена которой равно отрицательны,

равно разрушительны для какой бы то ни было культуры! И къ ней приходитъ въ наши дни человѣчество по мѣрѣ того, какъ воспитываетъ въ своихъ нѣдрахъ чуждую языческой древности идею и силу буржуазіи съ одной стороны, тогда какъ съ другой,—на мѣсто безусловно отрицающей утилитаризмъ христіанской идеи, въ немъ все шире и исключительнѣе воцаряется языческое утилитарное міровоззрѣніе!

Процессъ этой постепенной утраты человѣчествомъ прежнихъ животворящихъ силъ, — вѣры, надежды и любви и прежнихъ идеаловъ, постепеннаго духовнаго вырожденія его по мѣрѣ возобладанія буржуазно-утилитарныхъ стремленій себялюбія, также какъ и вліяніе этого вырожденія на характеры и судьбы современнаго безсильнаго и несчастнаго человѣка—давно уже подмѣчены и сдѣлались предметомъ анализующей мысли и художественнаго творчества. Особенно объ изящной литературѣ второй половины нашего вѣка можно сказать, что почти всѣ сколько либо выдающіяся произведенія ея разработывали именно эту тэму. Сильнаго и счастливаго человѣка напрасно стали бы мы искать во всѣхъ этихъ изображеніяхъ эпохи торжества буржуазіи и утилитаризма во всѣхъ ихъ видахъ. Слабостью и ничтоствомъ, шатаніемъ и только жалкимъ страданіемъ, неспособностью къ подвигу и безсиліемъ передъ самимъ случайнымъ счастьемъ, скукой, скандаломъ, ложью и самоубійствомъ—вотъ какими чертами обрисовываются герои этихъ изображеній, тѣмъ болѣе безотрадныхъ и ужасающихъ, чѣмъ въ нихъ болѣе художественной правды и менѣе тенденціи. Все чаще и громче раздаются въ послѣдніе годы и въ научной литературѣ голоса, разъясняющіе разрушительное вліяніе того-же неклассическаго и нехристіанскаго духа

времени въ другой области—политическихъ и общественныхъ учрежденій. Замѣна государства—„правительствомъ партіи“, ростъ буржуазіи и ея космополитическихъ, утилитарныхъ интересовъ насчетъ прочихъ классовъ и ихъ національныхъ интересовъ, все большее и большее ограниченіе сферы и значенія національно-государственныхъ началъ ростущими и въ ширь, и въ глубь началами соціально-космополитическими, торжествующій походъ еврейства, все покупающаго въ привыкающемъ все продавать обществѣ,—вотъ слишкомъ ясные, общіе и громкіе для того, чтобы ихъ замалчивать, факты. Различно можетъ быть только *отношеніе* того или другаго писателя къ этимъ несомнѣннымъ фактамъ. Возможно подобно П. Леруа Болье, возмущаться этой общей продажностью, корыстнымъ правленіемъ партій, упраздненіемъ государства и т. п., требуя возстановленія неограниченной монархіи. Но возможно и нетолько примириться съ этими фактами, но и радоваться имъ и проповѣдывать ихъ усиленіе. Такъ поступаютъ всѣ друзья „правового порядка“, теоретики ограниченія государства и обезсиливающаго его „раздѣленія властей“ взаимно уравновѣшивающихъ и парализующихъ, „обезвреживающихъ“ другъ друга съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица, противники начала національности и т. п. Все возможно утверждать и отрицать для тѣхъ, кто не признаетъ никакихъ безусловныхъ началъ, кромѣ личнаго благополучія и интереса... Но несомнѣнно, на *чьей* сторонѣ должны быть симпатіи тѣхъ, и какъ должны относиться къ этимъ характернымъ фактамъ современности тѣ, кто еще не отреклись отъ началъ народности, государственности и христіанства во имя безъидейнаго современнаго утилитаризма.

Менѣе всего обращали доселѣ, — если даже и вообще, сколько-либо обращали вниманіе на третій результатъ господствующаго въ современности не христіанскаго утилитаризма, не менѣе ярко и опредѣленно однако сказывающійся въ мірѣ „идей" современнаго человѣка, чѣмъ отмѣченные уже выше результаты его же въ области современныхъ личныхъ характеровъ и учрежденій. Человѣкъ, признавшій, что нетолько люди, природа и учрежденія, *но и идеи* суть лишь безразличныя сами по себѣ служебныя орудія его себялюбиваго интереса, благополучія, — и за идеями, какъ за людьми и учрежденіями, долженъ отрицать какое-либо безусловное, *самостоятельное* значеніе. Для него и наука существуетъ не для себя, не для науки, и религія и нравственность и искусство не сами въ себѣ носятъ свою задачу и оправданіе. „Смѣшеніе" между собою всѣхъ этихъ задачъ во имя общаго утилитарнаго ихъ назначенія, частичное или полное упраздненіе одной изъ этихъ задачъ другою и взаимная замѣна ихъ по мѣрѣ надобности — для него совершенно въ порядкѣ вещей и неизбѣжны. Этимъ смѣшеніемъ и характеризуется дѣйствительно умственная дѣятельность современнаго человѣка въ мірѣ идей. Позитивная наука, соціальное искусство, только—нравственная религія, эволюціонная, „естественная" мораль—все это продукты нашего девятнадцатаго вѣка, снова сближающіе его съ до-христіанскою древностью. И тогда также идеи религіи, науки, нравственности, права, природы и духа и т. п. не были еще точно разграничены, не выдѣлялись еще съ полной опредѣленностью изъ первобытнаго, зародышеваго единства. И въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ представляетъ, какъ мы дальше увидимъ, крупный шагъ человѣчества назадъ. Этотъ шагъ

современности назадъ для насъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что и наше русское „интелигентное“ общество приняло въ немъ дѣятельное участіе. Съ шестидесятыхъ годовъ и оно вступило на путь „смѣшенія“, отрицанія безусловныхъ началъ науки, искусства, нравственности и религіи; и у насъ нашли себѣ пріютъ и позитивизмъ, и утилитаризмъ, эволюціонизмъ, и соціальное искусство. И у насъ нынѣ есть ученіе религіи „раціоналистической“, утилитарной, (для земнаго блага человѣка), религіи только для цѣлей нравственнаго поведенія и въ то-же время безъидейно-аскетической, — ученіе графа Л. Толстаго, крупное не какъ ученіе, но какъ знаменіе времени и симптомъ нашего духовнаго недомоганія.

желаніе, представляющееся наконецъ уже и неудовлетворимымъ, обезсиливаетъ волю, притупляетъ чувство, приводитъ постепенно,—скорѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ, къ утомленію, — скукѣ и отчаянію. Такимъ образомъ, живя однимъ желаніемъ и лишь съ его точки зрѣнія признавая и цѣня все то, что есть, дѣйствительность, и все то, что должно быть, идеалы,—человѣкъ рано или поздно, но неизбѣжно утрачиваетъ нетолько всякій слѣдъ вѣры, надежды и любви, нетолько энергію воли и свѣжесть чувства, нетолько признаніе какой-либо цѣнности и за окружающею дѣйствительностью и за собственною жизнью,—но и то самое счастіе, возможность того личнаго благополучія, на которомъ онъ сосредоточилъ всѣ свои помыслы и стремленія. Непризнанная имъ въ своихъ правахъ дѣйствительность и забытые или отринутые имъ идеалы жестоко мстятъ ему за себя той скукой и отчаяніемъ, тѣмъ пессимизмомъ и безпринципнымъ шатаніемъ, тѣмъ отсутствіемъ воли и страсти, а слѣдовательно и возможности и желанія жить дальше, — къ которымъ приводитъ его избранная имъ самимъ путеводная звѣзда желанія, личнаго благополучія. Результаты опыта—положить „идею" послѣдняго въ основу всего строя *жизни* въ настоящее время совершенно очевидны: ни одно время во всей новой исторіи не представляетъ намъ человѣчество такъ искренно и повально пессимистичнымъ, такъ страдающимъ и скучающимъ, такъ безнадежнымъ и безстрастнымъ, словомъ— *вырождающимся*, какъ переживші этотъ опытъ конецъ девятнадцатаго вѣка!

Еще очевиднѣе результаты этого опыта, обѣщавшаго на почвѣ новой идеи и новыми силами создать новую культуру, неклассическую и нехристіанскую,

въ области духовной дѣятельности человѣка, его *мысли*. Мысль человѣчества до девятнадцаго вѣка была занята изученіемъ и выясненіемъ *двухъ* совершенно-опредѣленныхъ предметовъ и плоды ея работы въ этомъ направленіи выражались доселѣ въ *трехъ*, также совершенно-опредѣленныхъ и точно разграниченныхъ формахъ. Мысль-же девятнадцаго вѣка, отринувъ прежнее самостоятельное значеніе самихъ этихъ предметовъ и смѣшавъ ихъ, отринула, смѣшала въ одно смутное, хаотическое цѣлое и тѣ формы, въ которыхъ прежнее человѣчество о нихъ мыслило.

Задачею для мысли прежняго человѣчеста представлялось: или познаніе формъ и законовъ того, *что есть*, явленій природы, жизни, исторіи, ихъ причинъ и основъ, о которыхъ мы можемъ заключать изъ ознакомленія съ данною дѣйствительностью, наблюденія и опыта; или—выясненіе идеаловъ того, *что должно быть*, чѣмъ должна руководствоваться наша сознательная дѣятельность, мысль воля и чувства, въ опредѣленіи своихъ задачъ и оцѣнкѣ своихъ средствъ. Въ результатѣ перваго получалась *наука о реальномъ*, сущемъ, знаніе фактовъ, ихъ законовъ, отношеній и основаній (физика древнихъ) въ результатѣ втораго получались *науки объ идеальномъ*, о долженствующемъ быть, о нормахъ и критеріяхъ нашей дѣятельной жизни: таковы этика, эстетика и логика, науки уже не о данныхъ фактахъ, а о добрѣ, красотѣ и истинѣ. Наконецъ *религія*, для которой вся существующая дѣйствительность, вся совокупность фактовъ міра и жизни въ основѣ своей имѣетъ *творческій актъ*, — не могла не признать того, чѣмъ творческій, всю дѣйствительность созидающій, полагающій актъ вызывается и направляется, (то есть той или другой идеи должнству-

ющаго быть осуществленнымъ, воплощеннымъ въ дѣйствительность), — за самое реальнѣйшее, дѣйствительное и въ самой существующей дѣйствительности, ибо давшее ей бытіе и форму. Этимъ признаніемъ того, что должно быть, идеальнаго, за реальнѣйшее начало всей дѣйствительности, всего что есть, — признаніемъ неизбѣжнымъ для всякой мысли, которая на всякій фактъ представляемый дѣйствительностью смотритъ не какъ на продуктъ случайной комбинаціи другихъ случайныхъ-же фактовъ, но какъ на произведеніе *творческой*, *дѣятельной силы* (а она, какъ ни различны представленія о ней, всегда духовна, а не—простое движеніе)—религія всегда и вездѣ возстановляла единство между двумя большими областями мысли: мыслію о сущемъ, реальномъ и мыслію о долженствующемъ быть, идеальномъ. Въ религіи такимъ образомъ получала свое завершеніе мысль человѣчества, совершался синтезъ между тою дѣйствительностью, которую она знала и признавала въ ея самостоятельномъ значеніи дѣйствительности, и тѣми идеалами, въ которые она вѣрила какъ въ дѣйствительно долженствующее быть, въ дѣйствительно обязательныя руководящія начала всякой творческой, созидающей дѣятельности вообще.

Но тамъ, гдѣ нѣтъ ни признанія самостоятельнаго значенія и права дѣйствительности, какъ такой, ни признанія самостоятельнаго, безусловно-обязательнаго идеала долженствующаго быть,—гдѣ человѣкъ и то и другое подчиняетъ, какъ служебное орудіе,—желательному съ точки зрѣнія его личнаго благополучія,—тамъ очевидно нѣтъ мѣста и этому синтезу, завершенію мысли, — нѣтъ мѣста и выполняющей эту задачу религіи. Идея „желательнаго“, поставленная новѣйшимъ временемъ выше идеи

дѣйствительнаго и долженствующаго быть, идеальнаго, должна упразднять въ мысли признавшаго ее въ этомъ значеніи человѣка нетолько настоящую религію (признаніе идеала за реальнѣйшее въ мірѣ и жизни) но и *настоящую* науку о реальномъ и настоящую науку объ идеалахъ — этику, эстетику и логику. И достаточно бѣглаго обзора главнѣйшихъ теченій въ умственной жизни послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ наиболѣе выдающіяся измѣненія въ задачахъ, пріемахъ и характерѣ науки, этики, эстетики и религіи, этому времени принадлежащія, представляютъ *одну* общую тенденцію. Это тенденція къ замѣнѣ прежняго точнаго разграниченія областей реальнаго и идеаловъ и прежняго синтеза ихъ въ религіи—общимъ ихъ *смѣшеніемъ* съ утилитарной точки зрѣнія. И не трудно убѣдиться въ томъ зловѣщемъ, убійственномъ для духовной жизни современнаго человѣка ущербѣ, который наноситъ это смѣшеніе нетолько религіи, но и ясному сознанію идеаловъ долженствующаго быть этическихъ и, эстетическихъ, и точности, полнотѣ и законченности его научнаго пониманія существующей дѣйствительности.

Въ области религіозныхъ воззрѣній, это утилитарное смѣшеніе задачъ религіи съ задачами науки о сущемъ и идеаломъ нравственности, сказывается прежде всего *устраненіемъ* изъ религіи всего ея мистическаго, откровеннаго и положительнаго содержанія,—содержанія, безъ котораго она перестаетъ быть тѣмъ синтезомъ областей реальнаго и идеальнаго, сущаго и долженствующаго быть, какимъ была доселѣ, перестаетъ давать духу человѣческому и то конечное удовлетвореніе, которое доселѣ давала. Вмѣсто того синтеза, того указанія,

что въ существующей дѣйствительности самое реальное есть *не данный фактъ ея*, *но высочайшій, за ея предѣлы выходящій идеалъ*, — религія новѣйшей формаціи должна ограничиться, по мысли ея исповѣдниковъ, однимъ установленіемъ практическихъ, сообразныхъ съ фактическою дѣйствительностью, правилъ поведенія человѣка на землѣ, для достоженія здѣсь *блага*. Она должна согласоваться съ фактами и служить возникающимъ въ ихъ области задачамъ. Все *трансцендентное*, мистическое, чисто идеальное и таинственное, неразсудочное—изъ нея исключается,—оставляется одно практически-приложимое. П. Карусъ напр. (изъ Чикаго) утверждаетъ, что „подобно наукѣ и религія должна развиться до состоянія научной зрѣлости... Она сдѣлается научной системой истинъ, изслѣдуемыхъ и доказываемыхъ обыкновенными научными методами,"— притомъ—истинъ практически—приложимыхъ, такъ какъ „религія есть только теорія міра въ ея практическомъ примѣненіи". Въ такой религіи, ограниченной областью разсуднаго знанія и практическаго его приложенія, уже нѣтъ мѣста для предметовъ *вѣры*, нѣтъ мѣста и для *безконечныхъ идеаловъ*, выводящихъ человѣческій духъ за предѣлы нуждъ и потребностей наличной дѣйствительности, далѣе требованій земнаго *блага* особи или рода. И для Каруса, и для Конта съ его religion de l'humanité и для „новой вѣры" нашего гр. Л. Н. Толстаго въ религіи уже не требуются ни личный Богъ, ни общеніе съ Нимъ въ молитвѣ, таинствѣ и обрядѣ. Личный Богъ замѣняется безличнымъ „разумѣніемъ жизни" или „сверхъ-личнымъ закономъ," а общеніе человѣка съ Нимъ — общеніемъ его съ земнымъ, настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ человѣчествомъ. Объ отношеніяхъ человѣка къ высочай-

шему идеалу—Богу, о какой-либо любви къ Нему, вѣрѣ въ Него и надеждѣ на Него здѣсь не можетъ быть рѣчи. Отпадаетъ отъ этой религіи и вся ея метафизическая, догматическая и мистическая часть: и ученіе объ искупленіи и надежда на спасеніе. Человѣкъ и человѣчество ищутъ здѣсь своего спасенія въ *наличной дѣйствительности* путемъ разсудочнаго исканія „своего или общаго блага“, нравственнаго поведенія. Что же остается *религіознаго* въ подобной религіи, закрывающей человѣку доступъ въ высшій міръ идеальнаго и лишающей его стремленія къ нему, привязывая его исключительно къ существующей опытной дѣйствительности во имя „разумнаго блага“? Какое удовлетвореніе дастъ духу подобная религія, котораго онъ не нашелъ бы и безъ нея въ научномъ знаніи дѣйствительности и правилахъ нравственности, гигіены и житейскаго благоразумія? Какимъ новымъ и цѣннымъ содержаніемъ обогащаетъ она этотъ духъ, какой синтезъ реальнаго съ идеальнымъ уясняетъ ему, какія новыя опоры даетъ его нравственному міру среди всѣхъ недочетовъ, страданій, колебаній и отчаяній жизни? Нельзя не сознаться, что человѣчество, остановившееся на *такой* религіи, въ дѣйствительности вовсе отреклось уже отъ *всякой* религіи; оно признало ненужнымъ и какой-либо синтезъ міра реальнаго съ идеальнымъ, ибо вовсе отвернувшись отъ идеальнаго, и въ реальной дѣйствительности видитъ и цѣнитъ не ее саму, но лишь то, что имѣетъ отношеніе къ его *благу*, благополучію. Вотъ какой хаотическій призракъ остается ему отъ прежней религіи: ни наука, ни нравственность, ни религія!

Не болѣе выиграло, подъ вліяніемъ новой руководящей идеи блага-пониманіе человѣчествомъ на-

шего времени отношеній міра реальнаго и міра идеальнаго и въ его новой наукѣ и искусствѣ. И здѣсь мы видимъ не приращеніе, углубленіе и увеличеніе цѣнности ихъ содержанія, но *ограниченіе и обезцѣненіе* ихъ задачъ, *исключеніе* изъ ихъ содержанія того, что представляетъ наибольшую глубину и цѣнность. Подъ вліяніемъ идеи о цѣнности только приложимаго въ опытѣ, подлежащаго опытной провѣркѣ и полезнаго знанія (savoir pour prévoir), область научнаго знанія въ потивизмѣ Конта ограничивается однимъ установленіемъ „законовъ сосуществованія и послѣдовательности явленій" съ устраненіемъ всякаго вопроса о носителяхъ этихъ явленій, о томъ *что* является, но въ опытѣ не дано, о производящихъ силахъ и причинахъ. Все метафизическое, все *объясняющее* механическій порядокъ въ данной опыту совокупности явленій — устранено отнынѣ изъ науки, какъ ненаучное, непровѣряемое опытомъ-же и неприложимое. Для цѣлей приложенія достаточно *зн нія* данныхъ порядковъ явленій, но не требуется *пониманіе* ихъ производящихъ силъ и внутренняго смысла; поэтому напр. можно говорить только о душевныхъ состояніяхъ, но нельзя говорить въ наукѣ о самой душѣ, о волѣ, какъ дѣятельной силѣ и ея свободѣ и т. п. Всѣ эти вопросы испытующей мысли отнынѣ упразднены, какъ ненаучные и безполезные, хотя безъ отвѣта на нихъ и *невозможно міровоззрѣніе*, ясно — сознательное отношеніе человѣка къ міру и самому себѣ. Отсюда — одинъ шагъ до Карусова признанія задачею знанія — приложенія его и до утвержденія, что „теоретизированіе безъ практическаго приложенія—дѣло пустое". Еще одинъ шагъ—и мы доходимъ до ученія графа Л. Н. Толстаго о

наукѣ, какъ заслуживающей признанія лишь поскольку она служитъ благу человѣчества, уменьшаетъ его страданія и дѣлаетъ его жизнь болѣе сносною, но становящейся зломъ и безнравственностью коль скоро она превращается въ „теоретизированіе безъ практической задачи“, въ науку для науки. Познаніе существующей дѣйствительности во имя ея *самостоятельнаго*, независимаго отъ нашего благополучія значенія, такимъ образомъ, и *лишено* самостоятельной цѣнности, и совершенно разобщено съ міромъ идеальнаго, *ограничено* одной наличной опытной дѣйствительностью. Несомнѣнно, что наука при этомъ *не* стала же ни богаче содержаніемъ ни глубже!

Подобная-же прискорбная метаморфоза совершилась, подъ верховенствомъ идеи благополучія, и въ измѣнившихся взглядахъ на искусство и его задачи. И здѣсь послѣ Конта, признавшаго задачею искусства лишь популяризацію въ доступной и красивой формѣ научныхъ, философскихъ и соціальныхъ идей, явился Бокль, объявившій прямо, въ своей знаменитой „Исторіи цивилизаціи“, что „литература сама по себѣ дѣло пустое“. Затѣмъ произошло на нашихъ глазахъ то знаменательное явленіе, что „брошюра мало по малу убила книгу, а газетный листокъ —убилъ брошюру“; явился Карусъ (а онъ не одинъ!), кончающій свои публичныя философскія лекціи стихотворными резюме; явились съ 60-хъ годовъ наши отрицатели „чистаго искусства“, какъ безнравственнаго служенія *безполезной* красотѣ, тогда какъ „братья страдаютъ“ отъ холода и голода, а урядники дерутся! Разрослось тенденціозное и соціальное, презирающее красоту во имя „прѣлыхъ онучъ и слезъ соленыхъ, съ кислымъ квасомъ пополамъ“ искусство, и, наконецъ,—высказано

полное и прямое отрицаніе искусства, какъ безнравственнаго служенія „прекрасной лжи“ красоты у величайшаго изъ нашихъ художниковъ, графа Л. Н. Толстаго. Въ области искусства всего менѣе необходимо доказывать современный упадокъ, отсутствіе и творчества и настоящаго идеализма или реализма. Современное *одичаніе* въ этой области для всѣхъ является вполнѣ несомнѣннымъ фактомъ, какъ и то, что произведенія искусства въ современномъ духѣ не представляютъ собою ни точнаго и осмысленнаго изображенія дѣйствительности, ни настоящей философской или соціальной проповѣди! Ни законченной и цѣнной формы, ни законченнаго глубокаго и типичнаго содержанія; Надсонъ въ роли Байрона и Глѣбъ Успенскій въ роли Гоголя....!

Наиболѣе ярко и отчетливо выразились отмѣчаемыя нами черты духа времени, — обезцѣненіе и ограниченіе признаваемой дѣйствительности рядомъ съ болѣе или менѣе полнымъ отреченіемъ отъ всякаго идеала, во имя благополучія, — въ наиболѣе характеризующихъ современность, господствующихъ взглядахъ на источникъ и задачу нравственности. Здѣсь въ наше время на первомъ планѣ стоятъ ученія Гартмана и утилитарной морали эволюціонизма. Для перваго нравственность имѣетъ и цѣнность и реальность лишь поскольку она уменьшаетъ сумму всё усиливающагося съ развитіемъ страданія жизни; когда же развитіе достигнетъ своей цѣли, страданіе человѣчества дойдетъ до полной невыносимости и человѣчество перестанетъ желать продолженія невыносимой жизни, тогда нравственность лишится своего raison d'être. Съ точки же зрѣнія цѣлаго міра, а не отдѣльныхъ людей, и до того блаженнаго времени, до прекращенія жизни человѣчества, нравственность не ре-

альна, реально же одно страданіе. По этому ученію — источникъ нравственности—въ стремленіи уменьшить страданіе, которое съ развитіемъ все-же только возрастаетъ, а ея задача и идеалъ— въ аскетическомъ *отрицаніи* дѣйствительности, какъ у Шопенгауэра, или въ общемъ *отреченіи* отъ жизни, какъ у Гартмана, безъ всякаго будущаго. Другое, эволюціонистское ученіе о нравственности видитъ въ нравственности только продуктъ и совершенствующееся съ развитіемъ орудіе *приспособленія* человѣчества къ средѣ для цѣли выживанія. Выживаютъ, въ борьбѣ за существованіе, только существа, наиболѣе приспособившіяся къ средѣ, наиболѣе съ этой точки зрѣнія нравственныя. Съ развитіемъ—нравственный, приспособленный къ средѣ образъ дѣйствія переходитъ въ органическую *привычку* человѣчества, выполняемую имъ отнынѣ безъ всякаго усилія, выбора и внутренней борьбы, просто по инстинкту. И въ этомъ ученіи источникъ нравственности — въ стремленіи къ благополучію (самосохраненію, выживанію) и конецъ развитія, его идеалъ и задача—въ упраздненіи дальнѣйшаго, raison d' être нравственности, въ наступленіи, на мѣсто нравственной жизни съ ея подвигомъ и внутренней борьбою, — полуживотнаго, мирнаго прозябанія подъ охраною органическихъ инстинктовъ. И здѣсь идеаломъ представляется *упрощеніе*, *ограниченіе* содержанія жизни! У нашего графа Л. Н. Толстаго, наконецъ, это *упрощеніе* признаваемой дѣйствительности, съуженіе ея сферы до самого скуднаго, минимальнаго, только — животнаго содержанія, доведено до крайняго предѣла. Продолжая дѣло, начатое нашими нигилистами 60 годовъ, и исходя изъ положенія что „жизнь есть только исканіе блага“, онъ доходитъ до звѣроподоб-

наго идеала человѣка, который „работаетъ для того, чтобы ѣсть и ѣстъ для того, чтобы работать“, до отрицанія нетолько искусства, науки и метафизики, но и церкви и государства и собственности, —всей культуры, —а подъ конецъ (въ Крейцеровой сонатѣ) до отрицанія самого продолженія человѣческаго рода.....

Во всѣхъ этихъ „нравственныхъ“ ученіяхъ, излюбленныхъ современностью, —исходный мотивъ нравственной жизни—исканіе *своего блага*, а конецъ--упрощеніе признаваемой дѣйствительности, уменьшеніе содержанія этой дѣйствительности до полнаго ея отрицанія, безнадежный аскетизмъ и пессимизмъ, или сытое животное прозябаніе. Къ этому заключенію переходятъ отъ своей основной идеи „блага особи“ одни путемъ проповѣди *состраданія*, другіе — путемъ проповѣди *альтруистическихъ* чувствъ, а третьи—путемъ проповѣди самоотреченія во имя *разумной любви къ роду*. Эта проповѣдь самоотреченія и служенія благу всѣхъ звучитъ очень заманчиво и возвышенно на первый взглядъ. Но очень легко и быстро подмѣчается разрушающее всю ея силу внутреннее самопротиворѣчіе, состоящее въ томъ, что если я дѣйствительно серьезно убѣжденъ въ необходимости самоотреченія, то признаю его необходимость *общую*, *для всѣхъ*, —тамъ-же гдѣ *всѣ* отъ себя, своего блага отреклись—одинакова нелѣпа попытка служить и своему благу и благу всѣхъ. Этого самопротиворѣчія нѣтъ въ евангельскомъ ученіи „люби Бога больше *чѣмъ* любишъ самого себя и ближняго *какъ* самого себя“; нѣтъ его и въ нравственныхъ ученіяхъ стараго идеализма. Но и религіозное и философское ученіе частію упразднены, частію *исправлены и дополнены* смѣшивающей въ одну кучу и религію и науку и нравственность и ученіе о

благополучіи особи, новѣйшею изъ наукъ — соціологіей.

Этимъ-ли послѣднимъ дѣтищемъ своимъ, приводящимъ къ отрицанію и міра дѣйствительности и міра идеаловъ, все его умственное достояніе у человѣка отнимающимъ, не гордиться родившему его девятнадцатому вѣку?! На него-ли не уповать ему?!

IX.

Девятнадцатый вѣкъ не выигралъ, въ области своихъ политическихъ учрежденій, но проигралъ сравнительно съ древнимъ, классическимъ міромъ. У него онъ заимствовалъ внѣшнюю, „свободную“ форму этихъ учрежденій, замѣнивъ одушевлявшую эту форму для древности идею политической свободы гражданина, какъ орудія служенія объективной государственно-національной задачѣ, — идеею политической свободы гражданина, какъ орудія или гарантіи его личныхъ правъ и интересовъ *противъ* посягательствъ государства. Та-же „политическая свобода“, которая въ классической древности, по крайней мѣрѣ въ ея цвѣтущую эпоху, созидала, укрѣпляла и расширяла государство, въ нашъ вѣкъ новаго парламентаризма постепенно и совершенно-естественно приводитъ къ совершенно-обратному результату, — къ возможному ограниченію сферы воздѣйствія національно-историческаго государства и упраздненію его задачъ во имя интереса господствующихъ общественныхъ партій.

Не выигралъ нашъ вѣкъ и въ своей духовной жизни, въ области религіи, нравственности, искусства и науки, но проигралъ сравнительно съ міромъ христіанскимъ, культура котораго создавалась подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи безконечно цѣнной духовной личности, имѣющей задачу — въ безкорыстномъ служеніи сами-по себѣ, безусловно-цѣннымъ

идеаламъ. Заимствовавъ изъ этой культуры идею высшаго значенія личности, *только какъ особи*, уже независимаго отъ служенія какимъ-бы то ни было идеаламъ, но живущей исключительно для себя, для своего благополучія и во имя его,—онъ отринулъ всякій безусловный, объективный идеалъ. Не совершенство его національно-государственной жизни и не совершенство его духовныхъ дѣятельностей, но благополучіе особи и аггрегата особей само-по себѣ, ради этого благополучія, — вотъ руководящая идея человѣчества за послѣдніе полтора вѣка, порвавшіе духовную связь и съ классицизмомъ и съ христіанствомъ. Подчиняя задачѣ личнаго блага и множества личныхъ благъ („увеличенію суммы жизни на земномъ шарѣ и по количеству и по качеству" Г. Спенсера)—задачи религіи, науки, нравственности и искусства, этотъ *субъективный* утилитаризмъ современности естественно привелъ къ *смѣшенію* этихъ задачъ, къ *обезцѣненію и оскудѣнію* содержанія ея духовной жизни, къ *упрощенію* ея, духовному одичанію и духовной дезорганизаціи. Духовная культура, только зачинавшаяся, загоравшаяся прекраснымъ но еще неяснымъ разсвѣтомъ въ классическомъ мірѣ, вышедшая въ христіанскомъ изъ періода зародышевой неопредѣленности, нечленораздѣльности и пріобрѣтшая за семнадцать вѣковъ и поразительную полноту и глубину содержанія и точную опредѣленность формы,—утрачиваетъ и свое содержаніе и свою форму, дезоргинизуется. Субъективный утилитаризмъ составляющій руководящее начало новѣйшаго времени,—и для духовной жизни человѣка является такимъ образомъ чистою потерей, уменьшеніемъ цѣнности и осмысленности его жизни, почвою для скуки и отчаянія подтачивающаго жизненность куль-

турнаго человѣка въ самомъ ея корнѣ современнаго пессимизма, отрицанія жизни.

Такъ многаго и драгоцѣннаго лишивъ человѣчество, такъ много разрушивъ въ его мысли и жизни придававшихъ имъ и смыслъ и достоинство и несравненную цѣнность классическихъ и христіанскихъ „иллюзій“ (этимъ спеціально занимаются: въ Германіи —Гартманнъ, у насъ—графъ Л. Толстой съ учениками), что-же, взамѣнъ, создала *положительнаго* въ жизни эта „идея“ новѣйшаго времени, — идея *благополучія особи и возможно-большаго числа особей*, какъ высочайшей задачи? Что новаго внесла она въ жизнь человѣчества, изъ которой вытѣснила такъ много дававшаго человѣку и силу и жажду и достоинство жизни, одухотвореннаго стараго?

Это новое, незамѣтно и глухо нарождавшееся, крѣпнувшее втиши и опредѣлявшееся въ теченіи ряда вѣковъ, но въ два послѣдніе вѣка окончательно созрѣвшее, смѣло и сознательно выступившее на историческое поприще, одержавшее на немъ рядъ побѣдъ надъ старыми началами и силами, завоевавшее себѣ, наконецъ, положеніе въ самой главѣ того историческаго движенія, которое готовитъ наше будущее,— совершенно—очевидно. Это — строй жизни чисто-соціальный, *общество*, нетолько независимое отъ историческаго государства, самостоятельное, но и верховенствующее надъ нимъ; это—далѣе—представительница чисто-соціальныхъ началъ и интересовъ, надъ всѣми другими одерживающихъ верхъ,— воплощающая въ себѣ идею общества *буржуазія*.

„Общество“—вовсе не то, что народъ, и не то, что государство. И жизненныя задачи ихъ и отвѣчающія имъ формы жизни и внутренній строй совершенно различны. Задача, вызывающая къ бытію всякое „общество“,—будь это общество въ широ-

комъ смыслѣ или въ частномъ, какъ напр. общество ученое, промышленное и т. п. — всегда есть задача *спеціальная*, относящаяся лишь къ одной опредѣленной сторонѣ жизни и дѣятельности человѣка, но не охватывающая ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Эта задача всегда— производство тѣхъ или другихъ жизненныхъ благъ, цѣнностей и распредѣленіе ихъ между наличными членами, изъ которыхъ общество состоитъ. Благодаря такому одностороннему характеру задачи „общества“, оно съ одной стороны имѣетъ для входящихъ въ его составъ лицъ всегда значеніе *не самостоятельное,* не само по себѣ, но лишь съ точки зрѣнія *того или другаго интереса* этихъ лицъ, которому оно служитъ: для меня можетъ имѣть важное значеніе общество ученое и никакого—общество промышленное и наоборотъ. Поэтому, съ другой стороны, и отдѣльное лицо связано съ обществомъ только тѣмъ *интересомъ*, который въ немъ осуществляетъ. Оно принадлежитъ обществу только въ той мѣрѣ, въ какой этотъ интересъ сохраняется и осуществляется; когда-же этотъ интересъ не осуществляется или прекращается, то *разрывается и связь* между обществомъ и лицемъ. Въ основѣ „общества“ и его отношенія къ лицу лежатъ такимъ образомъ *личный интересъ и личная воля*; только ими связанъ членъ общества, а не самимъ *фактомъ* существованія общества. Признаніе этого факта, принадлежность къ обществу или выходъ изъ него и переходъ въ другое,—дѣло его собственнаго, личнаго разумѣнія своего интереса; отношенія членовъ общества между собою и къ самому цѣлому общества—*чисто-договорныя*, сохраняющіяся лишь поскольку сохраняются условія договора. Всякое общество имѣетъ, поэтому, характеръ не органи-

ческаго жизненнаго союза, независящаго отъ входящихъ въ его составъ, какъ подчиненные его самостоятельной задачѣ органы лицъ, но *атомистическаго* собранія ихъ, механически, по интересу и волѣ каждаго изъ нихъ и образующагося и расходящагося. Ни опредѣленная *территорія*, ни пережитая прежними поколѣніями *исторія* не составляютъ жизненныхъ и обязательныхъ началъ „общества“, но единственно—*интересы и воля наличныхъ его членовъ:* оно по самой идеѣ своей *космополитично*. Таково всякое общество:—и промышленное и ученое, и художественное и потребительное и т. п.

Совершенно иными и противоположными чертами характеризуются и народъ и государство. И народъ и государство немыслимы безъ и внѣ опредѣленной территоріи, также какъ и безъ какой-либо исторіи, преданій. Въ основѣ существованія и народности и государства лежитъ нечастный интересъ и воля договорившихся сойтись между собою въ формѣ такого-то союза лицъ, только *условіями этого договора* и связанныхъ, — но историческій, этнографическій и т. п. *фактъ*. Не волею и интересомъ наличныхъ представителей народности и членовъ государства созданный,—этотъ фактъ не ихъ - же интересомъ и волею, хотя-бы и вся ихъ наличность между собою согласилась,—можетъ быть и уничтоженъ. Современная наличность ихъ имѣетъ значеніе лишъ совокупности продолжателей не ими созданнаго прошедшаго, и зачинателей будущаго, котораго они сами не увидятъ. Жизнь народа и государства опредѣляется поэтому не задачею и потребностью настоящаго только, подобно жизни общества, но *въ такой-же и въ еще большой мѣрѣ*—задачею прошедшаго и будущаго. Непрерывная преем-

ственность въ осуществленіи своей жизненной задачи — составляетъ условіе, съ нарушеніемъ котораго перестаютъ существовать и народы и государства. Эта задача и обязательность ея осуществленія для отдѣльнаго лица имѣютъ значеніе самостоятельнаго, не отъ его личнаго интереса и воли зависящаго факта, — факта, *опредѣляющаго* самый этотъ его интересъ и волю, опредѣляющаго всѣ его судьбы. Связь приковывающая отдѣльное лице къ его народу и государству не есть и та *спеціальная,* односторонняя связь опредѣленнаго интереса, какъ прик вывающая его къ „обществу. Это связь всеохватываящая, простирающаяся на *всѣ* сторны его бытія, всѣми этими сторонами сплачивающая его жизнь съ жизнью цѣлаго народа и государства, — и языкомъ и міровоззрѣніемъ и всѣмъ бытомъ и всею культурой. Такую всеохватывающую связь порвать ни отдѣльлице ни вся ихъ наличная совокупность не властны и не могутъ, пока живутъ еще *полною* жизнью, пока для ихъ жизни еще сохраняютъ цѣнность и языкъ и міровоззрѣніе и бытъ и культура. Только переставъ придавать значеніе всему этому, только порвавши органическую связь и съ своей землей и съ своей исторіей — получаетъ человѣкъ возможность освободитъся отъ налагаемыхъ на него и тѣмъ и другимъ задачъ и обязанностей и — автономно устроить свою жизнь на чисто-утилитарномъ началѣ личнаго интереса, началѣ *общества, но не народа и не государства.* Для того, чтобы это совершилось, чтобы строй жизни человѣчества сталъ вполнѣ автономнымъ и вполнѣ утилитарнымъ, общественнымъ, *соціальнымъ* строемъ, нужно чтобы и народность и историческое, національное государство были вполнѣ побѣждены, окончательно разрушены. А дѣлаетъ это дѣло, порывая непрерывную преем-

ственность историческаго развитія, только *революція*.

Девятнадцатый вѣкъ, продолжавшій ближайшимъ образомъ движеніе, выразившееся въ „великой" революціи прошлаго вѣка, именно это дѣло и дѣлаетъ на Западѣ,—дѣло разрушенія неутилитарныхъ, неавтономныхъ, но историческихъ народности и государства во имя торжества, чисто-утилитарнаго и автономнаго, космополитическаго общества. Побѣдоносная борьба соціальнаго начала противъ національности и государства, проходящая черезъ всю исторію нашего вѣка на Западѣ, тамъ повидимому уже близится къ концу. Окончательное торжество перваго повидимому уже недалеко. Орудіями, доставившими ему это торжество, были, какъ мы старались разъяснить въ рядѣ предшествующихъ статей, съ одной стороны—*парламентаризмъ*, отдавшій государственную власть въ услуженіе частному интересу и частному праву, а съ другой — также черезъ всю исторію вѣка проходящее отрицаніе всякаго идеала,—и исторически—національнаго и религіознаго и научнаго и эстетическаго,—въ современномъ *позитивизмѣ и утилитаризмѣ*. Чѣмъ больше укрѣплялись и распространялись парламентиризмъ и отрицаніе идеаловъ въ позитивизмѣ и утилитаризмѣ, тѣмъ рѣшительнѣе соціальная идея одерживала верхъ надъ національно — государственной. И наоборотъ, чѣмъ болѣе силы и значенія пріобрѣтала въ жизни соціальная идея, тѣмъ глубже пускали корни и шире разростались и парламентаризмъ и позитивизмъ и утилитаризмъ нашего вѣка. Полная круговая порука!

Этими орудіями въ борьбѣ соціальнаго начала противъ національно — государственнаго пользовалась и все полнѣе и исключительнѣе овладѣвала имъ

ведшая эту борьбу и побѣдившая въ ней западная *буржуазія*. Парламентаризмъ, позитивизмъ и утилитаризмъ всегда были и не могли не быть самыми жизненно — важными членами ея исповѣданія, ея програмы. Почему это такъ? Почему именно буржуазія—представительница требованій и вѣрованій парламентаризма, утилитаризма и позитивизма?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ особенныхъ условіяхъ ея возникновенія и роста въ Западной Европѣ.

X.

Парламентскій режимъ и современныя понятія о политической свободѣ, какъ орудіи и гарантіи личныхъ правъ и интересовъ, сохраняютъ, какъ доказывалъ Тэнъ, значеніе непререкаемыхъ основъ жизни въ обществѣ, въ которомъ господствующее положеніе заняла буржуазія. Они наиболѣе отвѣчаютъ духу послѣдней. Духъ-же буржуазія есть не національно-государственный и опредѣляемый историческою задачею непрерывнаго развитія народной личности, но чисто-утилитарный, опредѣляемый задачею наиболѣе полнаго осуществленія личныхъ интересовъ всѣхъ наличныхъ ея представителей. Что инымъ и не можетъ быть духъ буржуазіи, этой побѣдительницы новаго государства и народа, владычицы современнаго міра, — это совершенно ясно изъ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ онъ выработывался и созрѣвалъ къ Западной Европы.

Въ разрушенной варварами Римской Имперіи вся политическая и гражданская жизнь сосредотачивалаеь *исключительно* въ городахъ, которые первоначально всѣ были автономны, но утрачивали въ большей или меньшей степени свою автономію по мѣрѣ своего подчиненія *одному* Риму, сосредоточившему въ себѣ всѣ ихъ государственныя функціи. Внѣ города, въ селахъ не было ни политической, ни гражданской жизни, не было и свободнаго населенія съ правами гражданина. Нашествіе и по-

бѣда варваровъ совершенно измѣнили положеніе дѣла. Подѣливъ между собою завоеванныя земли, новые владыки міра разселились въ доставшіеся каждому изъ нихъ участки, облеченные каждый верховными правами въ предѣлахъ своего участка, и являясь въ этихъ предѣлахъ каждый полноправнымъ государикомъ. Единая Имперія исчезла и на мѣсто одного центра государственной власти явилось безконечное множество такихъ самостоятельныхъ центровъ, но уже не въ городахъ, а въ замкахъ завоевателей. У подошвы послѣднихъ ютились принадлежавшія имъ деревни, населенныя безправными колонами и рабами, обработывавшими землю и служившими своему господину и *только ему,* такъ какъ онъ былъ полноправенъ, никому не подчиненъ. Не было надъ нимъ высшаго *государственнаго* единства, и намѣсто такого единства стали *союзы* между размножившимися полноправными государями—владѣльцами замковъ, *договорныя* между ними отношенія. Исчезло совершенно и какое-либо единство *народное*, ибо не было даже никакой возможности союзовъ, объединенія между сельскими жителями, принадлежавшими разнымъ владѣльцамъ (или владѣніямъ). Жизнь земледѣльческаго населенія каждаго отдѣльнаго, самостоятельнаго владѣнія была безусловно замкнута для всего окружающаго предѣлами этого владѣнія, знавшаго одну власть, одну волю,—власть и волю своего господина, облеченнаго верховными правами. При такихъ условіяхъ—о народномъ единствѣ и о какомъ-либо значеніи земледѣльческаго населенія въ *государственной* жизни того времени не могло быть конечно и рѣчи. Сосредоточившись вся въ замкахъ господъ и ихъ союзовъ, государственная жизнь того времени совершенно ушла и изъ *городовъ,* прежнихъ муни

ципій: и они лишились всякаго политическаго значенія, всякаго значенія въ общей жизни. Лишившись этого значенія, они однако сохранили нѣкоторую самостоятельность въ узкой области своихъ, *исключительно—мѣстныхъ* интересовъ. Перенеся всѣ силы и интересы политической жизни того времени въ свои замки и совершенно поработивъ себѣ окружающій эти замки, вполнѣ безправный сельскій міръ, завоеватели оставили городамъ нѣкоторую, и первоначально даже очень значительную долю свободы, но свободы—только въ вѣденіи мѣстныхъ ихъ, домашнихъ нуждъ и дѣлъ. Сохранивъ болѣе или менѣе значительные обломки прежняго самоуправленія, прежнихъ муниципальныхъ учрежденій, города были совершенно отстранены отъ общей государственоой и народной жизни, совершенно *разобщены съ ея интересами и волненіями*. Населеніе ихъ, — буржуазія, — состоявшее исключительно изъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и домовладѣльцевъ (духовенство въ городской жизни стояло особнякомъ; принадлежа къ обширному и могучему церковному союзу, оно и жило—интересами общей жизни, чуждыми мѣстной буржуазіи, и вліяло на ту жизнь, но никогда не былосамобуржуазно) было уже своимъ положеніемъ обречено жить *интересами своей мѣстной домашней и личной жизни*. Отстоять за собою возможность хотя-бы такой жизни для мѣстныхъ и личныхъ интересовъ—составляло *единственную* возможную и понятную задачу для буржуа того времени.

Но и эту задачу было очень нелегко выполнить. Сосѣдніе съ городами феодальные владѣльцы, воинственные, сильные и алчные, не упускали никакого случая ограбить ихъ, обложить данью, подчинить своей власти, поставить въ обязательныя къ себѣ

отношенія. Отсюда—безпрерывныя войны феодаловъ съ буржуазіею. Города укрѣплялись, торговцы и ремесленники вооружались и отстаивали съ оружіемъ въ рукахъ свои мѣстные и личные интересы, свое трудомъ и бережливостью накопленное достояніе, вольности своего города. Въ этой борьбѣ во имя *своего* мѣстнаго, но не *политическаго, государственнаго или народнаго общаго* интереса, — борьбѣ, какъ видно, совершенно—утилитарной,— буржуа очевидно былъ одушевляемъ отнюдь не какимъ-либо безкорыстнымъ и общимъ идеаломъ, подобно рыцарству или духовенству, хотя и носилъ кольчугу и мечь и геройски умиралъ за свой, очагъ и свои нажитыя деньги. Вооруженный-ли аршиномъ или сѣкирой онъ боролся, побѣждалъ и умиралъ только за свой личный и домашній интересъ; такъ и изобразилъ его В. Скоттъ, напрасно упрекаемый Гизо. Если онъ оставался въ этой борьбѣ побѣдителемъ, то выговаривалъ себѣ въ мирномъ договорѣ съ побѣжденнымъ феодаломъ (хартіи) какую-либо новую „вольность", но всегда — вольность *мѣстную*, не имѣвшую ни національнаго ни общегосударственнаго значенія, никакому „идеализму" непричастную. Но гораздо чаще буржуа были побѣждаемы своими болѣе воинственными, смѣлыми и *не всегда преслѣдовавшими однѣ* корыстныя, личныя задачи противниками, что отражалась на ухудшеніи ихъ положенія, большемъ подчиненіи, обѣдненіи и т. п. Въ *общемъ* европейская буржуазія до XII вѣка все болѣе утрачиваетъ и силы и значенія и вліянія на ходъ событій.

Въ XI и XII вв. происходитъ общее возстаніе городовъ, кончающееся ихъ побѣдою и освобожденіемъ изъ подъ феодальнаго гнета. Къ этому времени общая картина западнаго міра уже совершенно

измѣнилась. Безчисленные мелкіе феодальные государики, пользовавшіеся неограниченными верховными правами, въ безпрерывномъ взаимномъ соперничествѣ утратили и прежнюю силу и прежнюю численность, — также какъ и въ крестовыхъ походахъ, закончившихъ дѣло ихъ ослабленія. И сила феодализма, и богатство и верховныя права феодаловъ сосредоточились въ сравнительно гораздо меньшемъ числѣ родовъ, остальные-же, утративъ прежнюю самостоятельность, заняли вокругъ этихъ сильнѣйшихъ второстепенное, служебное положеніе. Съ другой стороны начала выдвигаться и усиливаться новая сила, являющаяся представительницею государственнаго и народнаго *единства*, выражавшихся прежде лишь въ союзахъ и собраніяхъ равноправныхъ феодаловъ (сеніоріальные суды, парламенты), сила *королевской власти*. Наступило, съ упадкомъ феодализма, время „*собиранія*“ государствъ, объединенія раздробленнаго дотолѣ на безчисленныя замкнутыя въ себѣ сельскія общины земледѣльскаго населенія въ *народъ*, въ почвенную силу слагающагося государства; наступало время и торжества *монархическаго* принципа, олицетворяющаго въ монархѣ національное государство. Въ началѣ еще очень слабая, окруженная почти равными ей по могуществу, а иногда и болѣе могущественными, соперничающими съ нею феодальными родами (герцоги бургундскій, лотарингскіе напр.), королевская власть, прежде чѣмъ окончательно восторжествовать, должна была еще сломить эту соперничествующую съ нею силу. Въ борьбѣ ея съ ослабленными, но еще могучими остатками феодолизма, занявшей слѣдующіе четыре вѣка, зарождавшаяся монархическая власть должна была искать себѣ союзниковъ. Но кто могъ ей представляться такимъ союзникамъ? Народъ? Но его еще не было

на-лицо; онъ только начиналъ собираться съ ослабленіемъ феодализма. Духовенство? Но споръ между свѣтскою и духовной властями былъ въ самомъ разгарѣ и въ этомъ спорѣ Западная церковь, всегда опиравшаяся на народъ (ученіе народовластія, ученіе демократическое и даже теоріи цареубійства и революціи зародились именію въ Западныхъ церквахъ), была конечно ненадежнымъ союзникомъ. Оставались города, *буржуазія*; съ ними и вступила въ союзъ, ихъ и поддерживала всѣми своими силами зарождающаяся короловская власть и въ своей борьбѣ противъ остатковъ феодализма и въ своемъ спорѣ съ церковью. Съ этого времени, становясь силою, отъ принятаго которою положенія зависитъ исходъ борьбы, имѣющей общегосударственное значеніе, — буржуазія становится силою историческою, пріобрѣтаетъ *общее* значеніе въ государственной жизни.

Но, получивъ это новое для нея значеніе не вслѣдствіе того, что она сама преслѣдовала-бы какія-либо общегосударственныя и національныя задачи, а лишь вслѣдствіе того, что въ ея помощи нуждались боровшіеся между собою и преслѣдовавшіе именно *общія, государственныя и народныя задачи* противники, сами-по себѣ слишкомъ, безъ союза съ нею, слабые, — буржуазія не измѣнила своего характера. Пріобрѣтая вліяніе на ходъ общаго дѣла, она въ этомъ дѣлѣ развитія государственности, народности и церковности видѣла не самостоятельныя задачи государства, народа и церкви, но лишь поводы къ усиленію *своихъ* прежнихъ, мѣстныхъ и утилитарныхъ интересовъ. Государство для нея было только оплотомъ противъ насилій феодаловъ или невыносимыхъ притязаній Римской церкви; народа-же она не знала и ничего общаго съ нимъ не имѣла: онъ по прежнему пребывалъ въ глухой тьмѣ, безъ правъ и безъ голоса.

Важны, жизненно интересны для нея по-прежнему оставались не этотъ невѣдомый еще народъ и не это слабое, нуждающееся въ ней и подчасъ слишкомъ требовательное и безправное государство, — но личныя права и мѣстныя вольности, которыя происходящая борьба представляла возможность расширить и надежнѣе обезпечить. Утилитарною и живущею только во имя личныхъ правъ и интересовъ, но не во имя государства и народности, оставалась она и теперь, начиная уже рѣшительно вліять на дѣла государства и народа. Духъ ея остался прежній корыстный, ненародный и негосударственный, хотя личный составъ ея уже значительно измѣнился: къ прежнимъ лавочникамъ и ремесленникамъ прибавились мелкіе чиновники, роль которыхъ въ феодальной жизни играли повѣренные и приближенные феодальныхъ владѣльцевъ, и „*литераты*," представители науки и искусства, имѣвшихъ ранѣе пріютъ только въ феодальныхъ замкахъ и монастыряхъ. И тѣ и другіе не могли еще служить ни развитію идеала государственности ни идеалу народности просто потому, что первый еще далеко не опредѣлился, не выяснился, а второй вовсе отсутствовалъ. Ихъ идеалы были только — космополитическіе, личные, или отвлеченно-разумные, но не *положительные* историческіе идеалы. Не дали они историческихъ идеаловъ и принявшей ихъ въ свою среду новой буржуазіи, остающейся по прежнему съ прежнимъ отвлеченнымъ идеаломъ личнаго права, его гарантій и съ похотью личныхъ интересовъ.

И съ этимъ негосударственнымъ и ненароднымъ, не историческимъ идеаломъ на своемъ знамени, буржуазія на Западѣ заняла однакоже мѣсто *народа, націи* для съ ней одною имѣвшаго тамъ дѣло государства. Въ этой роли замѣстительницы, пред-

ставительницы народа и встрѣтила буржуазія XVIII вѣкъ и его революцію! Самаго *историческаго народа* во всей исторіи Запада до XVIII вѣка не было видно, какъ признанной, правильно функціонирующей государственной силы; проявлялась эта сила только изрѣдка, вспышками и мятежами!

Очень характерна эта исторія западнаго государства, въ созиданіи котораго не принималъ никакого признаннаго и правильнаго участія *самъ народъ*, олицетвореніемъ котораго представляется государство національное! Созидали западное государство: во-первыхъ, *королевская власть* (не призванная народомъ, какъ въ Россіи, но выдѣлившаяся, послѣ долгой и упорной борьбы изъ круга первоначально облеченныхъ равными верховными правами завоевателей страны — феодаловъ), *феодалы и духовенство*, долго боровшіеся съ усиливавшеюся властью свѣтскаго монарха (въ нашей исторіи и этой борьбы не было, не было и самихъ феодаловъ, ибо не было завоевателей страны) и *буржуазія*, способствовавшая усиленію монархической власти и доставившая ей побѣду не во имя идеи *государственнаго единства*, а лишь во имя расширенія и надежнѣйшаго обезпеченія личныхъ правъ и интересовъ (въ нашей исторіи и буржуазіи не было и власть была въ тѣсномъ союзѣ не съ нею, а съ народомъ). Ничего кромѣ идеала личныхъ правъ и интересовъ и требованія наилучшихъ гарантій для нихъ, ничего кромѣ идеала *чисто соціальнаго* не было у представлявшей собою *весь* народъ, всю націю (у Гизо встрѣчается даже выраженіе; bourgeoisie comme nation) буржуазіи наканунѣ революціи XVIII вѣка. Представительницею идеала національно-историческаго государства являлась, съ другой стороны ослабѣвшая къ этому времени мо-

нархическая власть, окруженная остатками древняго феодализма, носителями національно-государственнаго идеализма—дворянствомъ. Когда разразилась революція, то королевская власть, не могущая опереться на всегда остававшійся ей чуждымъ народъ, никогда не жившая съ нимъ общею жизнью и почти всей своей силою обязанная возставшей теперь противъ нея буржуазіи, — оказалась слабѣе этой буржуазіи. Буржуазія побѣдила, а съ ней вмѣстѣ побѣдилъ и тотъ единственный, неисторическій и ненаціональный, но *соціальный* идеалъ личнаго права, интереса и ихъ гарантій, которымъ она жила, выработывая его въ себѣ все яснѣе, и все глубже проникаясь имъ, въ теченіи ряда историческихъ вѣковъ. Побѣдивъ безсильное государство и овладѣвъ государственною властью она и эту послѣднюю подчинила своему соціальному, неисторическому и ненародному идеалу, посвятила ее служенію задачамъ развитія частнаго права и интереса. Только ихъ *гарантіею* должны были отнынѣ быть и высшія государственныя учрежденія; только въ обезпеченіи личныхъ правъ и интересовъ и должна была состоять отнынѣ задача государства, очевидно ничего общаго съ исторически-національною задачею не имѣющая. Возникъ и повсюду водворился парламентиризмъ, въ которомъ выразились именно эти требованія соціальнаго, утилитарнаго и космополитическаго идеала. На почвѣ этого идеала буржуазіи создавшись, только ему можетъ и служить парламентаризмъ; буржуазный по своему происхожденію, онъ долженъ быть буржуазнымъ, т. е. утилитарно космополитичнымъ и въ своихъ вліяніяхъ на дальнѣйшее течніе всей жизни. Въ этой жизни онъ является естественнымъ и неизбѣжно побѣждающимъ противникомъ нетолько историчес-

каго, государственнаго и національнаго идеализма, но и всего, что съ нимъ связано, всякаго идеализма вообще, требующаго отъ жизни большаго, берущаго отъ нея и созидающаго въ ней большее, чѣмъ *осуществленіе и обезпеченіе личныхъ правъ и интересовъ, благополучіе особи и особей.* Къ какимъ прискорбнымъ результатамъ привелъ девятнадцатый вѣкъ Западную Европу подъ руководствомъ этого утилитарнаго, соціальнаго идеала, нетолько въ ея государственно—національной жизни, но и въ духовной, и въ судьбахъ и характерѣ современнаго западнаго человѣка, — это мы раньше уже старались показать. Очевидно, что такъ дальше жить нельзя и что никакіе компромиссы, вродѣ на прим., тщетно стремящейся сохранить призракъ, тѣнь государственно—національной и исторической идеи *конституціонной монархіи,* не помогутъ, не спасутъ отъ конечнаго торжества соціально—космополитическаго начала со всѣми его послѣдствіями! Разъ ставши конституціонной, разъ подчинившись парламентскому режиму, монархія неизбѣжно обрекаетъ себя на удаленіе съ исторической сцены, на отступленіе передъ чисто-соціальнымъ строемъ жизни, передъ чисто-утилитарной и космополитической—вначалѣ республикой, а затѣмъ *соціальной общиной.* А этотъ строй, не знающій исторіи, не знающій ни національности, ни государственности, не знающій и никакого другаго идеала, кромѣ *мирноблагополучной, сытой и посредственной особи,* живущей только собою и для себя, —есть *одичаніе.* Это - одичаніе и въ смыслѣ общей культуры, и въ смыслѣ счастія и цѣнности жизни отдѣльной личности, возможныхъ въ этомъ строѣ лишъ для существа, утратившаго и всѣ свои высшіе духовные интересы, и всѣ нисшіе инстинкты и страсти,—*вполнѣ выродившагося!*

Caveant consules!

Если изъ нашего сжатаго очерка ясно, въ чемъ, въ какихъ началахъ и силахъ мы видимъ разрушающія пышную христіанскую культуру Западной Европы, подтачивающія и силу и жажду жизни у западнаго человѣка нашего времени, причины, — то ясно и то, въ чемъ мы видимъ залогъ спасенія отъ той-же плачевной участи для нашей родины. Ясно и чему мы придаемъ особенное значеніе въ ея исторіи, къ счастію столь непохожей на исторію западной Европы, на какія изъ выражающихся въ нашей настоящей дѣйствительности начала жизни, силы и вѣрованія мы твердо уповаемъ, какія свято чтимъ, и отъ какихъ никогда не отречемся, пока останемся вѣрны русской исторіи и русскоиу народному духу. Ясно и то, развитіе какого рода стремленій и силъ въ нашемъ современномъ обществѣ должно нетолько возбуждать наши опасенія за судьбу великой нашей родины,—но и встрѣтить самый энергическій и послѣдовательный отпоръ отъ тѣхъ, кто ей вѣрны,—вѣрны знамени православія, самодержавія и народности.

ЕВРЕЙСТВО и РОССІЯ.

(ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ-РЕДАКТОРУ «РУССКОЙ ЖИЗНИ»).

I.

Письмо къ А. А. Пороховщикову.

(Вмѣсто вступленія).

Случайно прочитанная мною въ „Новомъ Времени“ замѣтка по поводу вашихъ статей о „еврейскомъ вопросѣ“ несказанно удивила меня и—признаюсь—вначалѣ даже огорчила за васъ. Быть до такой степени дурно понятымъ—какъ это возможно?! Какъ возможна попытка истолковать ваши взгляды на еврейскій вопросъ, какъ *потворство* еврейскому завоеванію все большей силы и значенія въ Россіи, какъ защиту притязаній еврейства растущаго, крѣпнущаго и усиливающагося насчетъ нашей родины? Это вы-то—сторонникъ анти-національнаго начала вообще и еврейскаго въ особенности?!—вы, который не только признаете существованіе и неотложность еврейскаго вопроса, но даже и замалчиваніе его называете прямо *преступленіемъ* и дѣломъ „государственной глупости“,—вы, прямо высказавшій, что „побѣдоносное шествіе еврейской общины среди православнаго русскаго народа и сопряженныя съ нимъ завоеванія во всѣхъ сферахъ общественной жизни начались съ того момента, когда *умаленіе престижа государственной власти* сдѣлалось очевиднымъ фактомъ, и что „еврейство

росло, расплывалось и подвигалось впередъ по всей линіи по мѣрѣ *отступленія правительства по всей линіи*“!! Это вы—идеалистъ, такъ глубоко православный и такъ страстно преданный народнымъ идеаламъ,—оказываетесь поборникомъ холодно-утилитарной, положительной и чуждой всякаго идеала еврейской плутократіи и буржуазіи,—вы, кончающій одно изъ вашихъ превосходныхъ „Писемъ о Москвѣ“ словами, что если бы вашъ голосъ противъ плутократіи, противъ Рыковыхъ и Донскихъ и остался „вопіющимъ въ пустынѣ“, то такой голосъ „все же долженъ быть въ средѣ, гдѣ не всѣ еще обратились въ вѣрноподданныхъ рубля“?! Невѣроятно!

Однако разгадка такого колоссальнаго непониманія противъ чего вы боретесь и что защищаете, лежитъ очень близко. Еслибы вы поменьше думали о еврейскомъ вопросѣ, поменьше надъ нимъ работали и остановились бы на одной его грубой внѣшней сторонѣ, напримѣръ на мысли—„еврей предпріимчивѣе и бережливѣе, а потому и богаче меня: слѣдовательно долой еврея!“ то васъ навѣрное всѣ отлично поняли бы. Толпа понимаетъ хорошо вѣдь только мысли прямолинейныя, одностороннія! Скажи вы: „еврей намъ мѣшаетъ и никакихъ человѣческихъ правъ у него нѣтъ—слѣдовательно бей еврея“, или наоборотъ, совѣтуй вы такъ: „человѣческаго достоинства и права нѣтъ ни у еврея, ни у меня—все это сентиментальности; но у еврея есть деньги, а у насъ ихъ нѣтъ, поэтому—продадимся еврею“— вы никого бы не удивили и не ввели бы въ недоразумѣніе. Пожалуй даже и мало кого въ наше грустное, нехристіанское время возмутили бы вы такимъ *рѣшеніемъ* вопроса путемъ сведенія его на почву безъидейной „борьбы за существованіе“—

почву, на которой вообще доводы разума и нравственности неумѣстны, а рѣшаютъ все животная потребность самосохраненія и сила. Но вы захотѣли внести въ ваше рѣшеніе еврейскаго вопроса и разумную идею, и нравственныя требованія, и— вызвали недоразумѣніе! Вы, какъ человѣкъ христіанской и русской, благородной и великодушной культуры, какъ идеалистъ наконецъ, признаете и за евреемъ человѣческія права и достоинства, не допускаете мысли о неблаговидной борьбѣ съ евреемъ *только* ради животнаго инстинкта самосохраненія. Вы и допускаете, однако, борьбу съ нимъ и даже требуете ее во имя *принципа,* во имя высокой идеи, которая есть и идея христіанской и русской народной культуры вообще. Вотъ этой-то идеи вашей, извѣстная часть общества, отдалившаяся и отъ православнаго и отъ народнаго идеала, забывшая его, вычеркнувшая изъ своего умственнаго обихода, частію не хочетъ, частію уже и *не можетъ* понять, и видитъ въ васъ *только* защитника еврейства.

А между тѣмъ, ваша идея эта, оправдывающая борьбу съ еврействомъ и требующая ее, *какъ борьбы нравственной и культурной,* борьбы за нравственность и культуру, очень ясно и достаточно высказана вами и въ вашихъ „Письмахъ о Москвѣ и, особенно, въ третьемъ выпускѣ вашего изданія „Россія наканунѣ XX столѣтія“. Мнѣ въ особенности ваша идея совершенно ясна можетъ быть потому, что крайне сочувственна. Не еврейство, какъ совокупность извѣстныхъ личныхъ и племенныхъ силъ, потребностей, богатствъ и т. п., составляетъ для васъ объектъ борьбы, но еврейство, какъ преимущественный носитель и выразитель тѣхъ исключительно-утилитарныхъ и положительныхъ на-

чалъ, которыми въ наше время живетъ и движется громадная часть и нашего, христіанскаго *только по названію,* общества. Эта часть есть чуждая всякаго идеала, религіознаго, политическаго и народнаго, не признающая ничего, кромѣ себялюбивыхъ стремленій особи къ благополучію, исключительно соціальная *буржуазія.* Вездѣ она была силою только *разрушительной:* вездѣ она была средой, въ которой выросли и окрѣпли стремленія, расшатавшія понемногу и старую государственность, и религіозность, и національное сознаніе. Выступивъ на историческое поприще на западѣ въ XVII вѣкѣ, узаконенная и облеченная всякими правами первою французскою революціей, захватившая въ XIX вѣкѣ, въ свои руки, путемъ распространившагося повсюду парламентскаго режима и представительства и государственную власть,—она теперь, въ концѣ вѣка, *расшатала* конституціонное государство, сдѣлавъ его „правительствомъ партій", *убила* въ западномъ обществѣ всякую вѣру, всякій безкорыстный идеализмъ, *обезцвѣтила* и опошлила характеры, *очистила* почву для всемертвящаго пессимизма. Тѣмъ же является эта представительница отрицающей всякіе идеалы себялюбивой особи, космополитическая и чисто соціальная сила буржуазіи и у насъ, въ Россіи. Въ нашей исторіи она всегда, какъ вы не разъ указывали, была *ничѣмъ*, только паразитнымъ и ничтожнымъ наростомъ. *Не она* принимала участіе въ работѣ сложенія и укрѣпленія русской государственности; *не она* участвовала и въ спасеніи этой погибающей государственности и народности въ тяжелые моменты историческихъ испытаній; *не она* произвела что-нибудь и въ нашей церковной жизни и въ нашей наукѣ и искусствѣ. Все это создавалъ и выносилъ на себѣ бо-

гатырь-идеалистъ—русскій народъ земледѣлецъ и землевладѣлецъ, всего менѣе буржуазный по своимъ стремленіямъ и силамъ, и буржуазіи, какъ силы, въ исторіи нашей за всю прожитую тысячу лѣтъ *вовсе не было*. Появилась она у насъ лишь при первыхъ попыткахъ *самоупраздненія* государства, въ подражаніе „просвѣщенному западу", со второй половины XIX вѣка, на нашихъ глазахъ. Ея безъидейные и себялюбивые, *анти-государственные* и космополитическіе инстинкты и въ Россіи остаются тѣ же, какими они окончательно выяснились на западѣ, т. е. не созидающей творческой силой, но *поѣдающій лучшіе соки народа, разрушающей и его духовную и его политическую жизнь,* на что вы такъ прямо и такъ упорно указываете вашими сильными и, главное, вѣрными доказательствами.

Такъ вотъ противъ нашествія этой-то грозной *разрушительной* силы буржуазіи и боретесь вы въ концѣ концовъ; борьба же противъ еврейства, наиболѣе ярко и полно выражающаго жизненныя начала буржуазіи, въ той борьбѣ составляетъ только крупный, но не первостепенный эпизодъ.

Такъ смотрите, повидимому, на дѣло вы; также смотрю на него и я. Хотѣлось бы, поэтому, надѣяться, что ваша рѣчь о еврейскомъ вопросѣ еще не закончена, но только временно прервана. Въ этой надеждѣ я и былъ бы радъ видѣть помѣщенными въ вашемъ изданіи прилагаемыя три письма мои „Еврейство и Россія"—тѣмъ болѣе, что солидаренъ съ вами не только съ существенной мысли, но даже и въ испытанномъ несчастіи—вызвать недоразумѣнія и ложные толки уже первою попыткой ее высказать.

II.

Еврейство и Россія.

Внесеніе публицистической точки зрѣнія, личныхъ, партійныхъ или народныхъ пристрастій, надеждъ и стремленій въ рѣшеніе вопросовъ, подлежащихъ чисто-научному, объективному изслѣдованію, каковы напр., вопросы психологическіе, всегда порождаетъ недоразумѣнія, ложные взгляды на предметъ и ложные практическіе изъ нихъ выводы. Мнѣ пришлось не разъ возбуждать моими психологическими взглядами подобныя недоразумѣнія среди тѣхъ, кто и въ научныхъ вопросахъ неспособны отрѣшиться отъ публицистической точки зрѣнія. Такъ очень раздражались противъ меня сторонники женской „эмансипаціи“ при выходѣ въ свѣтъ моего труда „Психическій міръ женщины“, хотя конечно отъ этого раздраженія нисколько не умалились и не стали менѣе дѣйствительны указанныя мною психофизическія и психическія особенности половъ. Такъ обижались на меня еще недавно и Вл. Соловьевъ и другіе поклонники космополитическаго идеала, когда я въ статьяхъ: „Національность и общечеловѣческія задачи“ и „Къ спору съ Вл. Соловьевымъ“ указывалъ на особенности русскаго народнаго характера, сравнительно съ другими культурными народами. Еще большее раздра-

женіе вызвалъ, наконецъ, въ извѣстной средѣ, обнародованный однимъ моимъ собесѣдникомъ краткій разговоръ его со мною, въ которомъ я высказалъ въ общихъ чертахъ мои взгляды на психическія особенности еврейства. Самая общность и краткость этого сообщенія дали особенно много поводовъ и къ неправильному толкованію моей мысли, и къ развязному приписыванію мнѣ такихъ практическихъ выводовъ изъ нея, отъ которыхъ я въ дѣйствительности очень далекъ, да которыхъ никому и не высказывалъ. Понятно мое желаніе—точнѣе объясниться.

Противъ теоретической стороны моего взгляда, т. е. противъ моего *объясненія* особенностей еврейскаго характера, едва-ли можно многое серьезно возразить, ставши на точку зрѣнія безпристрастнаго, объективнаго изслѣдованія. Признавая особенности въ характерѣ всякаго народа вообще, я признаю ихъ и въ характерѣ еврейскомъ, признаю, что и онъ представляетъ намъ преобладаніе однихъ стремленій и сторонъ духа и слабое развитіе другихъ. Здѣсь на первомъ планѣ я ставлю характеризующее всѣхъ семитовъ вообще высокое развитіе формально-разсудочной стороны при слабой эмоціональности, отсутствіи порывистой страстности. Что обѣ эти черты чрезвычайно благопріятствуютъ образованію несомнѣнно характеризующихъ еврейство качествъ: трезвости, умѣренности, аккуратности, упорной и неуклонной воли, крѣпости семейной жизни, привязанности къ положительнымъ даннымъ формамъ и задачамъ жизни и т. п — совершенно очевидно. Все это несомнѣнно лишь въ гораздо слабѣйшей степени можетъ развиться у человѣка болѣе страстнаго, порывистаго, увлекающагося и менѣе формальноразсудочнаго. Но за то у послѣд-

няго могутъ и должны образоваться *другія* качества, которыхъ еврейство, пріобрѣтя первыя, уже представлять въ высокой степени не можетъ, также какъ и предметъ, разъ принявшій форму круга, не можетъ въ тоже время быть и квадратнымъ. При слабой страстности возможны и трезвость и умѣренность и аккуратность, и упорство воли, но невозможно беззавѣтное увлеченіе. А безъ послѣдняго становится для человѣка невозможнымъ очень и очень многое. Невозможно становится безъ него прежде всего полное отрѣшеніе отъ положительныхъ, данныхъ со всей опредѣленностью задачъ и формъ непосредственной дѣйствительности, ради лежащихъ внѣ сферы умѣренности, аккуратности и полезности, безкорыстныхъ идеаловъ. Невозможенъ так. обр. *идеализмъ*, характеризующій народы христіанской культуры и чуждый еврейству въ частности и семитамъ вообще. Отсутствіе беззавѣтнаго увлеченія и идеализма, привязывая человѣка исключительно къ данной, опредѣленной дѣйствительности съ ея наличными задачами и нуждами, необходимо дѣлаетъ его не только болѣе *положительнымъ*, но и болѣе *утилитарнымъ*, чѣмъ можетъ быть человѣкъ страстно увлекающійся, ищущій иныхъ благъ, чѣмъ предлагаемыя дѣйствительностью, и занятый иными задачами идеалистъ. Удивляться тому, что умѣренный, разсчетливый, безстрастно, но упорно преслѣдующій намѣченную задачу еврей—въ тоже время и положителенъ и утилитаренъ, а тѣмъ болѣе горевать или негодовать по поводу того, что онъ чуждъ идеализма и безкорыстной дѣятельности,—было бы столь же странно, какъ и горевать о томъ, что рыба, такъ быстро и ловко плавающая въ водѣ, не летаетъ въ воздухѣ! Столь же странно было бы удивляться и тому, что безстрастіе, положительность и

утилитарность, характеризующія типичнаго еврея, давая ему качества, необходимыя для цѣлесообразной утилизаціи и эксплуатаціи наличной окружающей дѣйствительности, лишаютъ его качествъ, необходимыхъ уже не для эксплуатаціи жизни, но для *творчества* въ ней. Человѣкъ, вполнѣ положительный и утилитарный—не представитель творческой силы и дѣятельности. Творчества нѣтъ безъ сродныхъ ему идеализма и безкорыстія. Въ особенности же нѣтъ его безъ всепоглощающей страсти, и давно уже сказано, что „безъ страсти не создается ничто великое въ мірѣ и жизни“. Соединить безстрастіе, умѣренность, положительность и утилитарность съ творчествомъ и идеализмомъ — этого подвига не совершитъ никакая философская мысль, хотя бы это была даже и канканирующая мысль автора „Немножко“ и „Еще немножко философіи“. Это настолько ясно и несомнѣнно, что никакія ссылки на отдѣльные примѣры, лица и случаи здѣсь не помогутъ, даже и такія невѣроятныя ссылки, какъ напр , встрѣченная мною недавно ссылка на апостола Павла, какъ на *представителя еврейства*! Вѣрность общей характеристики еврейства отъ единичныхъ исключеній не пострадаетъ. Высказывая эту характеристику, утверждая, что *типичный* еврей является представителемъ *позитивизма и утилитаризма* и въ мысли и въ дѣятельности своей, мы остаемся на совершенно объективной почвѣ. И находить въ подобной характеристкѣ какой либо поводъ къ обидѣ и раздраженію всего менѣе умѣстно, конечно, въ наше время когда и позитивизмъ и утилитаризмъ получили право гражданства, возведены въ законченныя и излюбленныя нашимъ временемъ философскія доктрины, всюду безпрепятственно проповѣдуются и исповѣ-

дуются. Можно думать, что въ этихъ доктринахъ не заключается истина и правда; можно и должно бороться противъ нихъ въ имя противоположнаго, христіански спиритуалистическаго міровоззрѣнія; но нельзя, исповѣдуя эти доктрины, усматривать какое-то позорящее обвиненіе себя въ простомъ констатированіи факта, что вы позитивистъ и утилитаристъ. Но еще хуже—проповѣдывать позитивизмъ и утилитаризмъ и тутъ же отрекаться отъ солидарности съ ними, какъ чего-то обиднаго, позорящаго...

Мы думаемъ, что въ обществѣ, въ которомъ еще живы начала христіанской культуры, живы еще идеалы религіозные, государственные, національные и др. и не оттѣснены еще въ конецъ исключительно утилитарными, космополитически *соціальными* задачами жизни, борьба противъ началъ позитивизма и утилитаризма и неизбѣжна и *необходима*. И эта борьба противъ началъ и задачъ того и другаго, конечно, переходитъ въ борьбу противъ представителей этихъ началъ и носителей этихъ задачъ Но *кто* въ наше время является такимъ представителемъ и носителямъ? Одно ли еврейство, какъ это было въ христіанской Европѣ почти до начала XVII вѣка, когда еврейство не имѣло и тѣни того значенія *міровой* силы, какое оно пріобрѣтаетъ нынѣ? *Отнюдь нѣтъ*: въ наше время представителей тѣхъ началъ, которыми характеризуются еврейство—позитивизма и утилитаризма, ровно столько же, сколько и представителей новой, только въ новое время выработанной и равно чуждой и классическому и христіанскому міру идеи, идеи *соціальной*. Эта идея общества, производящаго и распредѣляющаго между особями жизненныя блага, вытѣснющая въ наше время на западѣ изъ жизни все рѣшительнѣе и задачу политическаго государ-

ства, и идеалы духовной личности и народности, по существу своему утилитарна, только положительна и космополитична. Она по существу своему есть отрицаніе и классическаго, чисто-политическаго идеала государственности и христіанскаго идеала высочайшаго подъема и развитія духовной личности. Представителемъ этой новой идеи нашего времени, идеи космополитически — соціальной, является и новая сила, выработанная новымъ временемъ и находящая для себя въ еврействѣ только естественнаго, могучаго и богато одареннаго союзника. Эта сила, невѣдомая ни классическому, ни христіанскому міру, чисто-соціальная, но берущая на нашихъ глазахъ уже верхъ надъ силами политическими, государственно-національными—есть сила *буржуазіи*. Естественное духовное средство съ нею еврейства, природнаго носителя тѣхъ-же началъ, и столь же естественный союзъ его съ этою новою *завоевательницею* всего современнаго міра—и даютъ нынѣ еврейству то значеніе міровой силы, какого оно ранѣе *никогда не имѣло.*

Борьба противъ еврейства, такимъ, образомъ есть прежде всего, *борьба противъ буржуазіи и ея современнаго господства.*

III.

Мы видѣли, что черты, характеризующія еврейство и придающія ему въ современной жизни такое огромное значеніе и силу, суть въ то же время и основныя начала создавшейся за послѣдніе два вѣка и *все* постепенно побѣждающей *буржуазіи*. Посмотримъ теперь, какое положеніе придаютъ эти черты еврейству въ нашей современной дѣйствительности..

Изъ фактовъ этой дѣйствительности наиболѣе крупнымъ въ данномъ случаѣ представляется самое глубокое, коренное и всеохватывающее *различіе* въ цѣломъ духовномъ строѣ, характерѣ еврейства и нашего народа. Различіе это даетъ всегда утилитарному, формальному, неуклонно преслѣдующему, безъ страстныхъ порывовъ, свои утилитарныя задачи еврею—всѣ преимущества передъ нами въ области *эксплоатаціи* наличныхъ силъ жизни. Оно же дѣлаетъ его въ той же мѣрѣ утилитарно-безплоднымъ въ сферѣ духовнаго творчества, въ сферѣ вполнѣ дѣйствительныхъ, (ибо направляющихъ нашу волю) хотя и неосязаемыхъ, безплотныхъ и безконечныхъ идеаловъ. Къ этимъ сферамъ, чуждымъ еврейству, направлены всѣ лучшія силы и способности нашего народнаго духа, какъ я старался раньше показать въ брошюрѣ „Національность и общечеловѣчессія задачи“ (М. 1890 г.), и въ статьѣ „Къ спору съ Вл. Соловьевымъ“

(Русскій Вѣстникъ 1890 г., октябрь). Ко всему формально опредѣленному, только положительному и только полезному — частью равнодушно и небрежно, а частью враждебно относится этотъ народный духъ. Мой собесѣдникъ совершенно вѣрно передалъ эту характеристику моими словами: „Полное отвращеніе къ формальному и положительному. Особенное развитіе высшаго нравственнаго начала. Отсуствіе воли и настойчивости ради утилитарныхъ цѣлей и великая эмоціональность. Я утверждаю, что борьба этому народу съ еврействомъ совершенно *невозможна*... Другимъ народамъ, напримѣръ французамъ, нѣмцамъ, англичанамъ— присущи *отчасти* еврейскія свойства: формальный разумъ, воля, утилитаризмъ, словомъ „умѣренность и аккуратность." Въ нашемъ національномъ характерѣ лежитъ чуть не презрѣніе ко всему этому. Отсюда мы ничего не можемъ противопоставить ни еврейской сплоченности, ни еврейской трезвости, умѣренности, практичности, семейному началу и т. д. Мы относительно еврейства — *расса самая беззащитная*."

Все—это — дѣйствительно мои слова и мысли. Только заключеніе, къ которому я прихожу, у меня въ дѣйствительности и нѣсколько сильнѣе и имѣетъ *иной* смыслъ, чѣмъ приписываемое мнѣ. Не къ тому выводу прихожу я, что „еврей, *если его не сдерживать самыми искусственными и сильными мѣрами* будетъ побивать насъ на всѣхъ поприщахъ практической жизни", — какъ полагаютъ иные,—но къ выводу: „Еврей будетъ насъ побивать на *всѣхъ* поприщахъ практической жизни (разумѣя подъ послѣдней жизнь торгово-промышленную, область утилитарныхъ задачъ, эксплуатаціи и т. п.), *хотя бы его и сдерживали самыми ис-*

кусственными и сильными мѣрами.“ Я, вообще, плохо вѣрю въ дѣйствительную силу и прочность дѣйствія слишкомъ „искусственныхъ и сильныхъ мѣръ“ съ одной сторны. Я не думаю, съ другой стороны, чтобы та „практическая“ жизнь, въ которой еврей всегда, по своему характеру, *не смотря ни на какія мѣры* будетъ побивать насъ, какъ сильнѣйшій въ ея задачахъ, была *вся наша жизнь и въ государственномъ и въ народномъ смыслѣ,*—чтобы наше безсиліе въ первой области было и нашимъ государственнымъ и народнымъ безсиліемъ вообще.

Всякія искусственныя, хотя бы и очень сильныя мѣры, направленныя къ ограниченію сферы естественнаго утилитарнаго призванія еврейства, могутъ быть лишь временными *палліативами,* очень ограниченными и въ силѣ и въ продолжительности своего дѣйствія, и *ничего* кореннымъ образомъ не измѣняющими. Вѣдь и въ жизни обществъ проявляется тотъ же законъ, какъ и господствующій въ механической природѣ, законъ, по которому „дѣйствіе равно противодѣйствію“, и безъ послѣдняго невозможны ни проявленіе силы, ни ея сосредоточеніе и ростъ. Развитіе исключительно въ направленіи *наименьшаго* сопротивленія и въ органической и въ общественной жизни харакеризуетъ собою всегда разложеніе, смерть. И почти двухъ-тысячелѣтняя исторія еврейства въ христіанскихъ обществахъ, не только сохранившаго, но и доведшаго за это время *до крайняго развитія* свои типическія особенности *среди борьбы* со всякими искусственными преградами и ограниченіями, должна была-бы служить достаточнымъ этому доказательствомъ. Сосредоточивая силы еврейства въ болѣе тѣсномъ кругѣ дѣйствія, все тѣснѣе сплачивая эти силы и

организуя ихъ, всѣ эти преграды и ограниченія не могутъ ни замѣнить эти силы другими, въ еврейскомъ характерѣ *отсутствующими,* ни дать имъ новаго, *неестественнаго* для нихъ направленія. Положительный, утилитарный, умѣренный и не творческій, а лишь разсудочно эксплоатирующій окружающее, еврей становитя только еще положительнѣе, утилитарнѣе, сдержаннѣе и т. п.—*только еще болѣе евреемъ.* Отсутствіе же *иныхъ* внутреннихъ сдерживающихъ началъ, кромѣ положительныхъ формъ и законовъ, при стѣсненіи—только *изощряетъ* его въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ, согласуясь съ ихъ точною буквой, обходить ихъ смыслъ, нарушать со спокойной совѣстью ихъ принципъ.

Не уменьшая, а только сосредоточивая и изощряя эксплоататорскія силы еврейскаго характера, подобныя ограниченія ихъ въ *дѣйствительной* области эксплоатаціи,—торгово-промышленной, биржевой etc.—и въ насъ самихъ нисколько не развиваютъ этихъ отсутствующихъ у насъ силъ, и насъ отнюдь не дѣлаютъ болѣе утилитарными и менѣе эмоціональными. А безъ этихъ свойствъ мы въ этой области, гдѣ именно они даютъ перевѣсъ, всегда такъ или иначе *будемъ побѣждены.* И въ борьбѣ экономическихъ интересовъ между христіанами—умѣренный, аккуратный, положительный и чисто-утилитарный христіанинъ всегда одержитъ верхъ надъ эмоціональнымъ и безкорыстнымъ христіаниномъ-идеалистомъ, *буржуа — надъ рыцаремъ.* Разница только въ томъ, что здѣсь человѣкъ нашей рассы никогда не можетъ быть въ *такой мѣрѣ,* такъ всецѣло и исключительно чуждымъ безкорыстнаго идеализма и эмоціональности, такъ безусловно положительнымъ и утилитарнымъ, какъ семитъ-еврей. Намъ за нимъ—не угнаться. Въ этомъ—его сила

на поприщѣ чисто-утилитарныхъ, экономическихъ задачъ, — сила, значенія которой никакія искусственныя мѣры измѣнить не могутъ, пока существуетъ еврейство; такъ вѣчно на этомъ же поприщѣ въ борьбѣ между христіанами—идеалистами и утилитаристами побѣда будетъ на сторонѣ послѣднихъ, пока существуютъ утилитаристы и „умѣренные и аккуратные“ позитивисты.

Но естественное и — мы думаемъ — ничѣмъ неустранимое торжество еврейства на *этомъ* опредѣленномъ поприщѣ жизни было бы *полнымъ* его торжествомъ только въ такомъ государствѣ и обществѣ, всѣ силы и интересы, всѣ задачи и надежды котораго въ этомъ поприщѣ сосредоточивались-бы, въ жизненной экономіи котораго оно заняло-бы если не исключительное, то преобладающее, *всѣмъ руководящее положеніе.*

Всѣ ли современныя государства и общества таковы? Всѣ ли они стали преимущественно торгово-промышленными? Вездѣ ли исключительно экономическія, *соціальныя* силы и нужды выступили на первый планъ, отодвинувъ назадъ силы, задачи и нужды *государственныя и народныя* съ ихъ неутилитарными идеалами? Повсюду ли представители чисто-соціальныхъ задачъ и началъ,—буржуазія, мѣщанство, средній классъ, разночинцы, словомъ *городское* населеніе,—составляютъ и численно преобладающій и достигшій *руководящаго,* наиболѣе вліятельнаго положенія элементъ населенія? Повсюду ли сходятъ съ исторической сцены національное государство и политическіе классы народа, уступая мѣсто живущему чисто-экономическою жизнью, *космополитическими* интересами, обществу?

Эти вопросы для насъ совершенно равнозначущи съ вопросомъ: повсюду ли еврейству несомнѣнно обезпечена побѣда и борьба съ нимъ стала невозможна, ибо природная задача и силы еврейства стали уже задачею и силою *всего* и нееврейскаго человѣчества?

Государства современнаго Запада представляютъ намъ именно *такую* картину: постепенное упраздненіе и ограниченіе государства обществомъ, интереса политическаго—соціальнымъ, экономическимъ, исчезновеніе чисто-политическихъ классовъ и чисто-національныхъ формъ и идеаловъ, громадное численное возрастаніе городскаго населенія насчетъ сельскаго и рѣшительно преобладающее вліяніе перваго на *весь* общій ходъ дѣлъ—вотъ ея характерныя черты. Здѣсь—все шире и удобнѣе развивается поприще для преслѣдованія природныхъ задачъ еврейства и для проявленія и торжества его природныхъ силъ и стремленій, становящихся общими, нормальными и для западнаго человѣка вообще. Здѣсь борьба съ еврействомъ становится и невозможною и все болѣе *ненужною,* переходя въ простую, чисто-экономическую конкурренцію, чуждую всякой политической, племенной или бытовой—словомъ идейной окраски. Самъ еврей здѣсь уже значительно ассимилировался къ окружающей его, ставшей болѣе близкой, *родственной* его духу средѣ: во Франціи, напримѣръ, или въ Англіи, особенно въ большихъ городахъ, почти невозможно встрѣтить типичнаго, рѣзко выдѣляющагося среди окружающихъ еврея, подобнаго нашему польскому или галиційскому еврею. Еврей здѣсь оевропеился, какъ и европейское общество оевреилось, *подчинилось* еврейскимъ идеаламъ. *Чѣмъ меньше всюду становилось государства и народа, чѣмъ больше бур-*

жуазіи,—тѣмъ болѣе всюду крѣпло и торжествовало еврейство! Это фактъ несомнѣнный.

Еврейская община и въ средніе вѣка была и предпріимчивѣе и бережливѣе и богаче христіанской, не имѣя однако и тѣни того значенія *міровой силы,* которое она несомпѣнно пріобрѣла за XIX вѣкъ,— *вѣкъ роста и торжества буржуазіи....*

IV.

Совершенно иную картину представляетъ намъ и въ совершенно иное отношеніе къ еврейству поставлена Россія. Россія—страна не торгово-промышленная, но земледѣльческая. Русское государство, „незараженное порокомъ представительства", по выраженію П. Леруа Болье, и парламентаризма, никогда еще не было орудіемъ борьбы соціальныхъ партій, не становилось ихъ частнымъ достояніемъ и не отступало на второй планъ со своими началами и задачами, передъ все постепенно подчиняющимъ себѣ на Западѣ *обществомъ*. Оно—государство еще крѣпкое, еще религіозное, политическое и національное, а не космополитически соціальное. Пока Россія останется вѣрною себѣ,—а на это мы крѣпко и страстно уповаемъ,—то есть останется національно-государственною, а не утилитарно-соціальною, земледѣльческою и народною, а не меркантильно-промышленною, буржуазною и космополитическою,—до тѣхъ поръ въ ней поприще, безусловно-благопріятное для торжества задачъ еврейства и его силъ, будетъ сравнительно *очень ограничено*.

Оставаясь вѣрною православію, самодержавію и народности, Россія обладаетъ и силами, необходимыми для этой задачи своей самостоятельной, стоящей внѣ посягательствъ еврейства жизни. Настоящіе представители утилитарно-соціальныхъ,

не народныхъ и не политическихъ стремленій и силъ, то есть городское населеніе, буржуазія и разночинцы,—въ общей массѣ населенія Россіи представляютъ сравнительно-ничтожное меньшинство (около 15 проц.), тогда какъ во Франціи и Англіи, напримѣръ, этотъ не государственный и не народный и какъ достаточно нынѣ уже, по видимому, ясно,—*анти-государственный и космополитическій элементъ* составляетъ огромное большинство (около и болѣе 70 проц.). И по своему значенію и вліянію въ общей экономіи жизни этотъ чисто-соціальный, отвѣчающій задачамъ и силамъ еврейства и составляющій открытую для его несомнѣнныхъ побѣдъ общественную арену элементъ,—у насъ еще сравнительно—ничтоженъ. Искусственное выдвиганіе его впередъ, искусственное поощреніе роста этого *не государственнаго и не народнаго*, буржуазнаго элемента и усиленіе его вліянія на общее теченіе жизни у насъ относятся къ очень еще недавней эпохѣ прошлаго царствованія. Эта эпоха совпадаетъ и съ благополучно минувшими, искренно благонамѣренными и идеально задуманными, но совершенно *чуждыми* національно-историческихъ началъ попытками самоупраздненія, самоограниченія государственной власти ради автономіи *буржуазнаго общества*; совпадаетъ она и съ усиленіемъ вліянія въ нашей жизни и съ торжествомъ еврейства! *Это яснѣе дня.* Къ счастію для судебъ національной, православной и государственной Россіи,—буржуазія, наиболѣе родственной европейскому духу чисто соціальный классъ,—недостаточно окрѣпла и не пріобрѣла еще рѣшительно преобладающаго вліянія на *весь* ходъ нашей жизни (какъ въ Западной Европѣ) за этотъ короткій періодъ ея искусственнаго созиданія у насъ. У насъ еще сохранились—

и сохранились въ громадномъ большинствѣ—классы не соціально-утилитарные, но государственно-національные, со своими самостоятельными задачами и идеалами: земледѣльческій народъ и землевладѣльческое, не торгово-промышленное дворянство. Сферы интересовъ и вліянія, области задачъ и идеаловъ этихъ національно-государственныхъ классовъ, составляющихъ самобытную, почвенную силу Россіи,—совершенно *иныя*, чѣмъ сферы интересовъ, вліянія, задачъ и идеаловъ чуждой намъ и искусственно раздутой у насъ, какъ-бы ad hoc созданной, лишенной идеаловъ и всякой вѣры буржуазіи съ ея съ *естественнымъ и неизбѣжнымъ* господиномъ—евреемъ. Расширеніе и увеличеніе вліянія на общую экономію нашей жизни одной изъ этихъ сферъ—равносильно ослабленію и ограниченію другой. Всякая мѣра, ведущая къ усиленіе земледѣльческаго и землевладѣльческаго — дворянскаго (не буржуазнаго-же, торгово-промышленнаго) классовъ—равносильна—въ этой общей экономіи—ослабленію вліянія и ограниченію поля дѣятельности чисто-соціальныхъ, буржуазныхъ классовъ. Равносильна она и ограниченію всегда неизбѣжно торжествующаго на этомъ полѣ дѣятельности еврейства. Не спеціальныя стѣсненія *еврейства* необходимы здѣсь для государственной и національной Россіи,—это только палліативы,—но общія преграды *грозящему широко и разрушительно разлиться по всей странѣ потоку денежной буржуазіи и голоднаго, хищнаго, на всеради рубля готоваго разночинства*. Тамъ, гдѣ ничтожны развитіе и сила буржуазіи—ничтожны и всевозможныя, къ тому-же неустранимыя уже въ силу нашихъ духовныхъ особенностей, нашихъ пороковъ и добродѣтелей, экономическія побѣды еврейства. Доколѣ не восторжествуетъ надо всѣмъ *анти-госу-*

дарственная и космополитическая буржуазія, не восторжествуетъ надо всѣмъ и еврейство со своими несомнѣнными и *въ своей области* вполнѣ естественными и законными стремленіями и силами и обратно. А отъ этого обратнаго да избавитъ Богъ Россію, сохранивъ ее оплотомъ христіанской культуры противъ новаго соціальнаго язычества, начала котораго въ еврействѣ имѣютъ свое полнѣйшее и законченное выраженіе.

Важно только, чтобы эти стремленія и силы не вторглись въ чуждую имъ и враждебную, не буржуазную, не торгово-промышленную область. Тамъ, гдѣ послѣдняя, какъ на Западѣ, заполонила уже почти всю жизнь и всѣ силы общества и государства, для борьбы съ еврействомъ отсутствуютъ и поводы и наличныя силы въ обществѣ: здѣсь безусловное и неограниченное торжество еврейства— только вопросъ *времени*. Но тамъ, гдѣ, какъ у насъ, интересы *искусственно выхоленнаго* соціальнаго, торговаго и промышленнаго класса далеко не уравновѣшиваютъ интересовъ и силъ историческихъ классовъ государственно-національныхъ, земледѣльческаго и землевладѣльческаго,—тамъ и побѣда еврейства въ ограниченной области меркантильныхъ, соціальныхъ интересовъ не страшна. Тамъ въ тоже время и поводомъ къ самой неумолимой борьбѣ съ еврействомъ должно являться всякое, даже малѣйшее посягательство его на „мирныя завоеванія“ въ мірѣ земледѣлія и землевладѣнія, въ области государственности и національности. Не въ городахъ *)—поприще этой борьбы въ Россіи,—здѣсь подобная борьба не будетъ имѣть

*) Не говоритъ о Москвѣ, которая, по выраженію покойнаго М. Н. Каткова, есть не просто городъ, но историческій принципъ.

ни общегосударственнаго, ни національнаго характера и кончится, не смотря *ни накакія мѣры*, экономическою побѣдой еврейства и частною ассимиляціей его къ частью-же *оеврeившемуся торгово-промышленному классу*,—но въ деревняхъ и селахъ нашихъ. Здѣсь борьба если будетъ, то будетъ борьбою за самые принципы жизни.

Здѣсь—„руки прочь!“—безусловно обязательно для самихъ евреевъ, если они сами хорошо понимаютъ и свои интересы и свои силы. Здѣсь—мы побѣдимъ, ибо духовная сила на нашей сторонѣ.

V.

(Вмѣсто послѣсловія).

Рѣшившись высказать въ печати мой взглядъ на особенно горячо—и *не безъ основаній*—волнующій современность, животрепещущій вообще, а въ нашей родинѣ въ особенности, еврейскій вопросъ, я первоначально располагалъ ограничиться тѣми письмами о немъ, которыя уже появились въ „Русской Жизни". Я желалъ только установить *справедливую и идейную* точку зрѣнія на этотъ вопросъ, слишкомъ часто, и намѣренно и ненамѣренно, bona fide, затемняемый съ одной стороны ссылками на затасканныя общія мѣста и фразы мнимаго гуманизма, къ которымъ прибѣгаютъ только когда болѣе опредѣленныхъ доводовъ уже не находятъ, а съ другой—безъидейною злобою дня, страстями и корыстолюбивыми стремленіями этого дня. Принятая мною точка зрѣнія представлялась мнѣ слишкомъ ясною и очевидною для того, чтобы требовать своего детальнаго оправданія и защиты какъ противъ безсодержательныхъ и безплодныхъ „общихъ мѣстъ", такъ и противъ слишкомъ ярко запечатлѣнныхъ личнымъ пристрастіемъ партійныхъ притязаній и предразсудковъ. Въ этомъ я очень, какъ видно, ошибся: напечатанное (въ „Русской жизни") вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ письмо ко

мнѣ одного изъ представителей нашей еврейской „интеллигенціи", вызванное моими письмами „Еврейство и Россія", свидѣтельствуетъ о томъ, что и съ банальностями затасканной, условной публицистической морали, какъ онѣ ни безсодержательны, и съ партійными пристрастіями и притязаніями, какъ ихъ софизмы ни прозрачны, считаться еще далеко не лишне. Свести счеты съ ними и желалъ-бы я въ настоящемъ отвѣтѣ на это *очень характерное* письмо.

Совершенно напрасно прибѣгаетъ авторъ его, въ своемъ вступленіи, къ попыткѣ запугать меня перспективою, что и мои письма о еврействѣ не будутъ имѣть никакого *научнаго* значенія, и я самъ въ нихъ грѣшу *догматизмомъ*, вышедшимъ-де изъ *моды* во всѣхъ областяхъ мысли, кромѣ богословія. Рѣшительно даромъ потраченный зарядъ остроумія! Ошеломить меня словами „научное значеніе", „догматизмъ", „мода"—слишкомъ мудрено, такъ какъ я достаточно хорошо знаю самое дѣло. Я и слишкомъ давно (съ 70 г.) и близко стою къ дѣлу науки для того, чтобы задаться нелѣпою мыслію—въ газетныхъ статьяхъ изложить *научное* изслѣдованіе; и очень хорошо знаю, что „догматизмомъ" можетъ погрѣшить только *теорія*, объясняющая факты, но не простое утвержденіе или отрицаніе самыхъ фактовъ; и, наконецъ, никогда еще не ставилъ себѣ въ литературной моей дѣятельности задачею сообразоваться съ тою или другой „модою". Это еще позволительно для толпы читателей, но отнюдь не для серьезнаго писателя.

Гораздо интереснѣе полемика моего оппонента по существу „еврейскаго вопроса". Здѣсь онъ устанавливаетъ и ту точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, еврейскій вопросъ долженъ быть разрѣ-

шенъ, и ставитъ мнѣ вопросы о тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыя я опираюсь въ разрѣшеніи его.

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ обсуждать съ точки зрѣнія правды и справедливости, т. е., какъ объясняетъ онъ, поставить его такъ: человѣкъ-ли еврей или нѣтъ? „и если онъ человѣкъ, съ такимъ же бьющимся сердцемъ, какъ у васъ, съ тѣми же страданіями и заботами, то во имя правды въ человѣческихъ отношеніяхъ должно протянуть ему руку помощи“.

И такъ, вотъ въ чемъ весь вопросъ?! Какъ онъ простъ, ясенъ, и какъ очевидно, что мы, не нарушая идей права и справедливости, не можемъ не оказывать еврейству помощи въ выполненіи его еврейскихъ задачъ, хотя бы это были и задачи закабаленія нашего общества и государства! Стоитъ только признать еврея за „*человѣка*“ съ „бьющимся сердцемъ“, и ужъ обязательно протянуть ему „руку помощи!“ Это де требованіе права и справедливости!!

Полагаю, что никто изъ обсуждавшихъ еврейскій вопросъ не высказывалъ еще возмутительной мысли, что въ основѣ его рѣшенія должно лежать *отрицаніе* права и справедливости; никто не высказывалъ и той дикой мысли, что „еврей не человѣкъ“,— особенно въ наше время, признающее человѣчность и человѣческое право даже въ рассахъ, стоящихъ безконечно ниже самихъ китайцевъ, а нетолько высоко развитыхъ евреевъ. Но отсюда до обязательнаго протягиванія еврейству „руки помощи“ еще очень далеко! *Въ чемъ именно* должны мы помогать еврейству? Въ охраненіи ли его только и защитѣ отъ посягательства на него какихъ-либо внѣшнихъ враговъ? Или мы должны оказать ему помощь и въ его по-

сягательствахъ на нашу собственную жизнь и наше достояніе, помощь если не дѣятельную, то по крайней мѣрѣ выражающуюся въ предоставленіи этимъ посягательствамъ полной, ни чѣмъ не ограничиваемой свободы, въ отказѣ отъ защиты нашихъ самыхъ жизненныхъ и *обязательныхъ* для насъ интересовъ? Взаимнаго поданія руки помощи возможно требовать только въ томъ предположеніи, что ни съ чьей стороны вообще никакихъ посягательствъ нѣтъ, никакой борьбы не происходитъ, нѣтъ ни нападающаго, ни защищающагося, а есть одинъ „человѣкъ". Если же борьба несомнѣнно происходитъ, то, конечно, о „рукѣ помощи" по справедливости можетъ взывать не нападающій, но лишь защищающійся!

Вопросъ такимъ образомъ въ томъ: происходитъ-ли въ современномъ обществѣ какая-либо борьба, въ которой крупную роль играетъ еврейство, и занимаетъ-ли оно въ этой борьбѣ положеніе нападающаго или защищающагося? Отрицать фактъ всеохватывающей борьбы, происходящей на нашихъ глазахъ и уже близкой къ своему концу на западѣ, совершенно невозможно. Весь девятнадцатый вѣкъ представляетъ сплошную, безпрерывную и безпощадную борьбу начала соціальнаго, „общества", какъ „организаціи жизни во имя производства и распредѣленія жизненныхъ благъ между составляющими его особями", (Опредѣленіе Л. Штейна) противъ преслѣдующаго иную, неутилитарную и не соціальную, но народно-историческую задачу государства. Въ этой борьбѣ роль нападающаго играетъ не *историческій* народъ и государство, но живущее только утилитарнымъ интересомъ производства и распредѣленія *въ настоящемъ* общество. И борьба эта представляетъ безпрерывный

шенъ, и ставитъ мнѣ вопросы о тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыя я опираюсь въ разрѣшеніи его.

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ обсуждать съ точки зрѣнія правды и справедливости, т. е., какъ объясняетъ онъ, поставить его такъ: человѣкъ-ли еврей или нѣтъ? „и если онъ человѣкъ, съ такимъ же бьющимся сердцемъ, какъ у васъ, съ тѣми же страданіями и заботами, то во имя правды въ человѣческихъ отношеніяхъ должно протянуть ему руку помощи“.

И такъ, вотъ въ чемъ весь вопросъ?! Какъ онъ простъ, ясенъ, и какъ очевидно, что мы, не нарушая идей права и справедливости, не можемъ не оказывать еврейству помощи въ выполненіи его еврейскихъ задачъ, хотя бы это были и задачи закабаленія нашего общества и государства! Стоитъ только признать еврея за „*человѣка*“ съ „бьющимся сердцемъ“, и ужъ обязательно протянуть ему „руку помощи!“ Это де требованіе права и справедливости!!

Полагаю, что никто изъ обсуждавшихъ еврейскій вопросъ не высказывалъ еще возмутительной мысли, что въ основѣ его рѣшенія должно лежать *отрицаніе* права и справедливости; никто не высказывалъ и той дикой мысли, что „еврей не человѣкъ“,— особенно въ наше время, признающее человѣчность и человѣческое право даже въ рассахъ, стоящихъ безконечно ниже самихъ китайцевъ, а нетолько высоко развитыхъ евреевъ. Но отсюда до обязательнаго протягиванія еврейству „руки помощи“ еще очень далеко! *Въ чемъ именно* должны мы помогать еврейству? Въ охраненіи ли его только и защитѣ отъ посягательства на него какихъ-либо внѣшнихъ враговъ? Или мы должны оказать ему помощь и въ его по-

сягательствахъ на нашу собственную жизнь и наше достояніе, помощь если не дѣятельную, то по крайней мѣрѣ выражающуюся въ предоставленіи этимъ посягательствамъ полной, ни чѣмъ не ограничиваемой свободы, въ отказѣ отъ защиты нашихъ самыхъ жизненныхъ и *обязательныхъ* для насъ интересовъ? Взаимнаго поданія руки помощи возможно требовать только въ томъ предположеніи, что ни съ чьей стороны вообще никакихъ посягательствъ нѣтъ, никакой борьбы не происходитъ, нѣтъ ни нападающаго, ни защищающагося, а есть одинъ „человѣкъ". Если же борьба несомнѣнно происходитъ, то, конечно, о „рукѣ помощи" по справедливости можетъ взывать не нападающій, но лишь защищающійся!

Вопросъ такимъ образомъ въ томъ: происходитъ-ли въ современномъ обществѣ какая-либо борьба, въ которой крупную роль играетъ еврейство, и занимаетъ-ли оно въ этой борьбѣ положеніе нападающаго или защищающагося? Отрицать фактъ всеохватывающей борьбы, происходящей на нашихъ глазахъ и уже близкой къ своему концу на западѣ, совершенно невозможно. Весь девятнадцатый вѣкъ представляетъ сплошную, безпрерывную и безпощадную борьбу начала соціальнаго, „общества", какъ „организаціи жизни во имя производства и распредѣленія жизненныхъ благъ между составляющими его особями", (Опредѣленіе Л. Штейна) противъ преслѣдующаго иную, неутилитарную и не соціальную, но народно-историческую задачу государства. Въ этой борьбѣ роль нападающаго играетъ не *историческій* народъ и государство, но живущее только утилитарнымъ интересомъ производства и распредѣленія *въ настоящемъ* общество. И борьба эта представляетъ безпрерывный

рядъ побѣдъ послѣдняго надъ народно-историческимъ государствомъ вездѣ, гдѣ, завладѣвъ путемъ представительства и парламентскаго режима политическою властію, это *общество настоящаго* получило возможность направлять жизнь и *историческаго*, національнаго государства. Вездѣ, гдѣ это случилось, задачи политическаго государства и историческаго народа постепенно упраздняются и ограничиваются, вытѣсняемыя изъ жизни интересами неисторическаго, признающаго лишь право и задачу особи, но не народа, космополитическаго общества. На Западѣ это упраздненіе государства и народа обществомъ во имя производства и распредѣленія благъ между *наличными* особями, въ наше время есть не только ясно и систематически выраженное требованіе господствующей теоріи, но и въ значительной степени уже совершившійся фактъ! Сила, создавшая этотъ несомнѣнный фактъ упраздненія государства и народа, вытѣснившая ихъ изъ жизни и повсюду занимающая ихъ мѣсто, вездѣ есть утилитарная, обладающая деньгами или живущая исключительно надеждою на ихъ пріобрѣтеніе, не знающая ни историческихъ задачъ, ни общихъ традицій *буржуазія*. Могущественное орудіе, съ помощью котораго она завоевала свою господствующую позицію и обладая которымъ никогда съ нея не можетъ быть сбита, — парламентаризмъ, представительство конституціоннаго государства.

Таковъ итогъ жизни человѣчества на Западѣ за весь девятнадцатый вѣкъ. Радоваться-ли этому итогу или скорбѣть о немъ? Стремиться-ли, во имя государственности и народности, къ возможному ограниченію въ нашей жизни его силы и значенія, или привѣтствовать въ немъ новое расширеніе поприща для своихъ соціальныхъ задачъ? Этотъ вопросъ не

безразличенъ, конечно, не только для человѣка Запада, но и для насъ, русскихъ, ибо сила, побѣдившая и продолжающая побѣждать государство и народность на Западѣ, сила буржуазіи, существуетъ съ тѣми же интересами и стремленіями и у насъ, хотя у насъ она и не владѣетъ тѣмъ орудіемъ, которое обезпечило бы ей несомнѣнное торжество, т. е. парламентскимъ строемъ. И въ рѣшеніи этого вопроса каждый неизбѣжно долженъ стать на ту или другую сторону, оставаясь по прежнему „человѣкомъ". Ставши-же на одну изъ этихъ сторонъ, уже нетолько трудно, но и непозволительно „подавать руку помощи" стоящему на противной, для доставленія ему торжества надъ своей собственной стороной. Это было-бы *предательство.*

На какой же сторонѣ стоитъ еврейство въ этомъ раздѣляющемъ современный міръ спорѣ? Едва-ли на этотъ счетъ могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія. Едва-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что еврейство, *не связанное ничѣмъ, кромѣ общечеловѣческихъ и личныхъ, экономическихъ интересовъ, ни съ тою землей, на которой оно живетъ (но которой не обработываетъ), ни съ исторіей этой земли и ея будущимъ,* (которой оно не дѣлало, не дѣлаетъ и не будетъ дѣлать), является представителемъ начала національно-государственнаго, а не буржуазнаго, соціально-космополитическаго! Признавая послѣднее за несомнѣнный фактъ, ясности и убѣдительности котораго невозможно противопоставить ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго опредѣленнаго значенія, я подтверждаю этотъ фактъ и психологическою справкой, ссылкой на психологическія особенности еврейства, дѣлающія изъ него есте-

стойкаго носителя утилитарно-буржуазныхъ соціально-космополитическихъ началъ. Съ этимъ-то рѣзкой оппонентъ мой и не хочетъ соглашаться, утверждая, что я ее не подтверждаю никакими фактами, а просто догматизирую.

Онъ спрашиваетъ: на чемъ я основываю мнѣніе, что евреи положительны, умѣренны, утилитарны и не творческій, а лишь разсудочно-эксплуатирующій народъ? Думаю, что еврейская умѣренность и положительность, сказывающіяся въ такихъ несомнѣнныхъ *достоинствахъ* еврея, къ сожалѣнію очень мало присущихъ намъ, какъ трезвость, аккуратность, привязанность къ даннымъ, положительнымъ формамъ жизни, къ своей семьѣ, общинѣ, церкви и т. п.—имѣютъ вполнѣ достовѣрность факта, а отнюдь не психологической гипотезы. Эти же свойства характеризуютъ и идеальнаго, хорошаго буржуа. Что же касается до утвержденія утилитарнаго и нетворческаго, но эксплоатирующаго направленія дѣятельности типичнаго еврея, — то ненужно далеко ходить за *фактами*, на которые оно опирается. Стоитъ только обратиться къ статистическимъ таблицамъ, показывающимъ, какое ничтожное меньшинство наличныхъ евреевъ занято, даже въ экономической области, *производствомъ* какихъ-либо цѣнностей, и какое подавляющее большинство спеціально посвящаетъ свои силы *посредничеству* во всѣхъ его формахъ, начиная съ банкира, черезъ коммивояжера, агента, биржеваго „зайца“, фактора, коммиссіонера, и кончая классическимъ юго-западнымъ „мишуресомъ“. Конечно, и этотъ родъ дѣятельности въ обществѣ имѣетъ свое значеніе, но признать ее за неутилитарную, не эксплоатирующую но творческую очень мудрено! Какъ болѣе легкая и „чистая“, подобная дѣятельность, сколько

извѣстно, и по религіозному взгляду еврейства составляетъ привиллегированный удѣлъ избраннаго Богомъ и вѣрнаго Ему народа. Еврейская интеллигенція также посвящаетъ себя исключительно „хлѣбнымъ“ либеральнымъ профессіямъ, въ которыхъ много выгоды, но мало творчества. И при всей своей несомнѣнной, почти поголовной талантливости—евреи достаточно доказали отсутствіе настоящей творческой, *всегда безкорыстной* силы уже тѣмъ, что исторія литературы, искусствъ и наукъ, представляющая массу принадлежащихъ имъ второстепенныхъ, иногда и очень цѣнныхъ произведеній (Лассаль, Мендельсонъ, Маймонидъ) не можетъ указать въ этой массѣ ни одного *первостепеннаго*, не просто высоко талантливаго, но геніальнаго, вродѣ произведеній Шекспира, Глинки, Декарта, Пушкина или Бетховена *).

Плохо убѣждаетъ меня и ссылка на евреевъ-*мучениковъ* за какія-то европейскія „государство“ и „національность“. Мученики-евреи дѣйствительно бывали и въ Германіи и въ другихъ странахъ; многіе перенесли и гоненія, и тюрьму и ссылку. Л. Берне даже очень, по своему времени, смѣло писалъ свой остроумнѣйшій „салатъ изъ селедки“! Но за *какую* идею были всѣ эти евреи-мученики и

---

*) Но сравнивать-же, въ самомъ дѣлѣ, Мейербера и Мендельсона съ Моцартомъ и Бетховеномъ, а Гейне съ Байрономъ! О Спинозѣ-же, единственнымъ несомнѣнно-геніальномъ евреѣ во всей новой исторіи, я умалчивалъ въ первой редакціи этого письма, слѣдуя правилу „лежачаго не бьютъ“. Плохую услугу дѣлу защиты еврейства оказала-бы ссылка на ученіе Спинозы,—ученіе чисто—*разсудочное* и *пантеистичное*, доктрину pessimae notae, не признающую иного основанія права кромѣ *мощи самохраненія*, и иного основанія нравственности, кромѣ *пользы* (suum utile quaerere), докторину, учащую, что въ морѣ большія рыбы на то, чтобы пожирать малыхъ, а малыя—на то, чтобы быть пожираемы.... На такое ученіе можетъ сослаться только *врагъ* еврейства.

евреи-борцы! Думаю, что всегда и вездѣ—за идею *соціально-космополитическую*; а этимъ едва ли они пріобрѣли особенно много правъ на признательность отъ стоящихъ на точкѣ зрѣнія „національности“ и „государственности“!.. Не за историческое-же государство и народность боролись и многочисленные наши „нелегальные“ евреи второй половины прошлаго царствованія, слуги интернаціоналки!!.

Едва ли можно признать за удачный полемическій пріемъ и попытку моего оппонента доказать „идеализмъ“ еврейства иронизированіемъ надъ идеализмомъ христіанскихъ народовъ, проявлявшимся въ грубыя времена исторіи въ такихъ жестокихъ и свирѣпыхъ формахъ, какъ напримѣръ, потопленіе Грознымъ въ Волховѣ 35,000 новогородцевъ или Варѳоломеевская ночь? Во-первыхъ грубое, мало развитое человѣчество и идеалы свои естественно понимаетъ и выражаетъ грубо; во вторыхъ же, ограничиваясь однимъ примѣромъ Грознаго, въ его жестокомъ истребленіи новгородцемъ нельзя человѣку, *понимающему* исторію, видѣть одно звѣрство и не видѣть дурно или хорошо понятой (это здѣсь не важно) идеи государственной необходимости. Если бы національно-государственная, не растлѣнная политиканствующею буржуазіей Москва не сломила въ то время „вольный ганзейскій городъ Новгородъ“, этотъ почти единственный въ русской исторіи крупный питомникъ могущественной и гордой буржуазіи,—то едва ли существовала бы и нынѣшняя государственная Россія; а если бы она и существовала, то была бы, конечно, нынѣ такимъ же достояніемъ буржуазіи, такимъ же „правительствомъ соціальныхъ партій“, конституціоннымъ и ненароднымъ, какъ и современныя государства Запада.

Во всякомъ случаѣ—въ звѣрскомъ по формѣ поступкѣ Грознаго было больше *идеи,* чѣмъ въ безпощадной, неумолимой и неутомимой, ежемгновенной и вѣковой экономической аксплуатаціи труда и богатства многихъ народовъ единственно во имя *своего благополучія на чужой счетъ*. Только удивить можетъ, конечно, и доказательство еврейскаго идеализма ссылкою на первыхъ христіанъ, вышедшихъ изъ еврейства и въ тоже время являющихся образцами возвышеннѣйшаго идеализма. Это отвергнувшіе еврейство и отвергнутые имъ евреи-христіане, это ученики Распятаго, это *гои* — то суть представители настоящаго, доселѣ существующаго и защищающаго себя ссылкою на нихъ еврейства? Полноте!..

По меньшей мѣрѣ странна и попытка дискредитировать христіанскій идеализмъ, для косвеннаго оправданія еврейскаго утилитаризма и позитивизма, выразившаяся въ сомнѣніи моего оппонента, чтобы я могъ привести ему хотя *одинъ* примѣръ, когда христіанскій идеализмъ „проявился-бы въ такой силѣ и яркости, чтобы попасть въ исторію", также какъ и въ дальнѣйшемъ вопросѣ его: „гдѣ же то великое, которое явилось на почвѣ русскихъ народныхъ идеаловъ"?

Вмѣсто одного примѣра проявленій христіанскаго идеализма, я приведу два маленькихъ, но, кажется, попавшихъ въ исторію факта: никому не безъизвѣстное *рыцарство* и довольно таки извѣстныя *наука искусство и философія* новаго времени, которыми живетъ духовно *все* современное человѣчество, и въ созиданіи которыхъ (оригинальнымъ творчествомъ) еврейство принимало, однако, не болѣе участія, чѣмъ, напримѣръ, магометанство. Что же касается до вопроса о томъ великомъ,

которое выросло на почвѣ русскихъ народныхъ идеаловъ, то я имѣю наивность считать отвѣтъ до того очевиднымъ, что становится *стыдно* за вопрошающаго. На этой, будто бы, безплодной почвѣ выросло ни болѣе, ни менѣе, какъ великое, могучее и крѣпкое государство, называемое *Россія,*—государство, прошедшее въ своемъ ростѣ черезъ самыя страшныя историческія испытанія и выходившее изъ нихъ всякій разъ *болѣе могучимъ, болѣе бодрымъ, болѣе богатымъ живоносными идеалами, чѣмъ прежде,—государство, принявшее на свою грудь и отразившее удары, которые раздробили бы хрупкую Европу, еслибы она была лишена этого спасительнаго щита, удары татарскаго нашествія и космополитической революціи, воплотившейся въ лицѣ Наполеона I,*—государство, наконецъ, которому, можетъ быть, *завтра* уже предстоитъ новый подвигъ спасенія европейской культуры отъ новаго, еще болѣе грознаго нашествія *гоговъ и магоговъ соціализма, отъ соціальнаго одичанія! Если это не великое, то что же великое?!* Или, быть можетъ, вы, господинъ оппонентъ, думаете, что исторія когда нибудь и признаетъ за болѣе *великія* историческія дѣла—прорытіе Суэзскаго канала или новое существенное улучшеніе въ банковскомъ счетоводствѣ?..

Нѣтъ; еврейскій вопросъ не есть вопросъ, которымъ „пусть занимаются на досугѣ богословы“, вопросъ богословскій—умозрительный! Христіанство хорошо помнитъ, что оно вышло изъ еврейской религіи и взяло изъ нея много святаго, высокаго, прекраснаго и драгоцѣннаго; богословскій вопросъ для него рѣшенъ. Не христіанство, какъ болѣе богатое содержаніемъ, отрицаетъ болѣе ограниченное и принятое, усвоенное имъ въ своихъ

существенныхъ основаніяхъ, религіозное ученіе евреевъ; но еврейство, оставаясь на своей, болѣе ограниченной, узкой почвѣ „положительнаго закона“, отрицаетъ христіанство. Не въ этомъ и вопросъ; но въ той борьбѣ соціальныхъ идеаловъ и силъ общества, буржуазіи съ національно-историческимъ государствомъ, которой игнорировать въ концѣ нашего вѣка уже *невозможно*, которую маскировать общими мѣстами мнимаго гуманизма *преступно*, и въ которой еврейство стоитъ *не* на сторонѣ національнаго и историческаго государства! *Еврейскій вопросъ есть вопросъ о томъ, какую роль въ нашей государственной и народной жизни должна и будетъ играть буржуазія съ ея идеаломъ и орудіемъ—деньгами?* Роль ли необходимаго во всякомъ живомъ организмѣ, но не всякомъ господствующаго желудка, или роль головы и сердца?

А это—вопросъ *о всей культурѣ нашей!*

Дозволено цензурою. Москва, 13 Апрѣля. 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ итоговъ вѣка.

Еврейство и Россія.

DATE DUE			

